

18+

Алексей Шиловский

ВНЕ ВРЕМЕНИ ВОЙНЫ

Алексей Шиловский

Вне времени войны

«Издательские решения»

Шиловский А.

Вне времени войны / А. Шиловский — «Издательские решения»,

Встреча с шаровой молнией в детстве навсегда меняет восприятие мира Арсения и зажигает в его сердце мечту о журналистике. Но послевоенная реальность готовит суровые испытания: работа в уральской тайге на лесоповале и внезапная тяжёлая болезнь, перечеркивает его планы. На осколках прежних надежд герой строит новую судьбу. Путь преодоления превращает вчерашнего мечтателя в инженера-энергетика, чья жизнь пролегла от великой реки Камы до каскада Кубанских ГЭС.

© Шиловский А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	6
Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	13
Глава 5. Несостоявшаяся любовь	14
Глава 6.	18
Глава 7.	20
Глава 8.	24
Глава 9.	28
Часть вторая.	31
Глава 10.	31
Глава 11.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вне времени войны

Алексей Шиловский

© Алексей Шиловский, 2026

ISBN 978-5-0071-2700-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. «Шрамы на сердце»

Глава 1. Знак с неба

Такого даже на памяти старожилов не случилось: чтобы средь бела дня в деревенскую избу влетела шаровая молния. Арсений, пяти лет от роду, часто оставался дома один. В тот жаркий летний день он сидел у окна в ожидании, когда сестрёнка Иринка вернётся от подружки.

В небе засверкали молнии. Раскаты грома то стихали, то грохотали с такой силой, от которой в груди мальчика всё сжималось. Ветер усиливался, рама окна поскрипывала, а свинцовые тучи заслонили солнце. Арсений почувствовал, как страх пробежал по телу, и отодвинулся от окна.

В этот момент сильный порыв ветра опрокинул раму на стол. Через проём влетел оранжево-жёлтый диск, вспыхивая искрами и издавая гул встревоженного пчелиного роя. Арсений сжался в комок. Огненный шар неистово метался по избе, едва не касаясь его. Мальчик смотрел на него с восторгом и трепетом, как на чудо. Описав несколько петель, молния вылетела в окно. Преодолев страх, Арсений выглянул наружу: в конце участка вспыхнул стог сена, который тут же превратился в кучу серого пепла.

Вскоре вернулась сестрёнка, а следом и братья. Обычно Арсений первым бросался им навстречу, но теперь он сидел неподвижно, словно продолжал диалог с огненным чудом.

— Арсений, ты чего? Что-то случилось? — спросила Иринка, подходя к брату.

Он отрешённо посмотрел на сестру и промолчал. Убедившись, что ему ничего не угрожает, она оставила его в покое. А братья, увидев разбитое окно, стали вставлять его на место.

К вечеру тучи ушли, развеявшись, за горизонт и снова засияло солнце, не оставив от этого яркого события никакого следа, лишь Арсений остался под впечатлением и сидел у окна в задумчивости.

Старшие дети уже похрапывали на полатах, а он никак не мог заснуть и ютился рядом с мамой.

— Мама... а папа наш на войне? — шёпотом спросил он.

Мать кивнула: — Да, сынок... На войне. Ни писем от него, ни весточек.

— А расскажи, как вы с папой познакомились?

— Эх, сынок... это было ещё до войны. Я жила в селе Завражье, на медсестру училась. А папа жил в трёх верстах, в посёлке под названием «Квартал №60». Странное такое название — как связь между небом и землёй. Он туда после техникума приехал — всё снабжение на нём было. Ребята к нам часто на вечеринки приходили, и папа с ними.

Вдруг в глазах Анастасии Петровны заиграл озорной огонёк:

— В молодости я бедовая была! Как-то на Троицу устроили борьбу у сельского клуба, и я туда же. Вышел против меня белобрысый, глаза весёлые, улыбается: «Ты-то куда лезешь, малышка? Ведь зашибу!» А я взяла его и — раз! — уложила на лопатки. Может, поддался... Так мы и познакомились.

Рис. 1. Вышел против меня белокрысый, глаза весёлые, улыбается... А я взяла его..., и уложила на лопатки.

Может, поддался... Так мы и познакомились.

— Мам, мам, а где я родился? Здесь, где живём? — не унимался Арсений.

Глаза Анастасии Петровны увлажнились. Она сдержала чувства, смахнула слезу и крепче прижала сына к себе:

— Все уже спят, сынок. В другой раз расскажу. Пойдём и мы укладываться.

Дом погрузился в тишину. Анастасия Петровна долго не могла сомкнуть глаз, возвращаясь в мыслях к прошлому. Но вскоре уснула и она.

Глава 2.

Бумажные птицы

Шел 1947 год. Война отгремела салютами, мир залечивал раны. Но от мужа за последние два года так и не пришло ни весточки. Здесь, среди лесов, седых мхов и болотных ягод, время словно застыло. Тридцать шесть верст до райцентра превращали деревню в остров: добраться до «большой земли» можно было только на гужевой повозке, тракторе или вездеходе.

Связующей нитью с миром оставалась почта — маленькая комнатка в здании сельсовета. Раз в неделю туда доставляли почтовую поклажу, и в эти дни на почтальона ложилась почти сакральная ноша. Он нес в сумке не просто письма да газеты — целые судьбы.

В военные годы весточки казались бумажными птицами — аккуратными треугольниками из клетчатых листов. Но страшнее всего были прямоугольные казенные конверты с сургучными печатями: чаще всего они приносили горе, которое невозможно было пережить без слез.

Анастасия Петровна всеми силами гнала мысли о худшем, но сердце, в отличие от разума, обмануть было нельзя: оно болело, скулило по-собачьи, и слезы всё чаще вырывались наружу.

На дворе вовсю хозяйничала весна. В лужицах на первых проталинах отражались яркие, пшеничные лучи солнца, перемежаясь с сырым ветром. Арсений с тоской смотрел на улицу — в доме не было ни обуви, ни тёплой одежды, чтобы прикрыть его хрупкое тело.

Ласковое солнце так настойчиво заглядывало в избу, а освободившаяся от снега земля так манила, что мальчик не выдержал. Соблазн оказался сильнее запретов. Он накинул на плечи старую телогрейку и босиком выскочил на крыльцо. Забыв обо всём, Арсений резво прыгал по островкам ещё не высохшей травы, взвизгивая от накотившегося пьянящего восторга.

Анастасия Петровна, выглянув в окно, похолодела: ценой этой мимолётной шалости могла стать тяжёлая простуда. В отчаянии она схватила вожжи и выбежала на улицу, пытаясь поймать разыгравшегося сына. Но юркий Арсений, словно лисёнок, ловко ускользал, принимая погоню за игру, где главным призом был восторг свободы.

Обессилев, мать вернулась в избу. Она бросила в угол уже ненужные вожжи и рухнула на кровать. Панцирная сетка жалобно скрипнула. Анастасия Петровна беззвучно зарыдала, сдерживая нахлынувшее отчаяние. В этих слезах была вся тяжесть жизни, которую она несла на своих плечах с упорством, не свойственным женскому сердцу.

Веселье Арсения оборвалось мгновенно. Поняв, что натворил, он тенью проскользнул в дом, сбросил намокшую одежду и виновато прижался к матери. Два родных человека тихо плакали на скрипучей кровати, осознав свалившуюся на них долю. В это мгновение они казались самыми близкими друг другу на всей земле, израненной шрамами войны.

Арсений, прильнув ещё ближе, спросил:

— Мамочка, а помнишь, я спрашивал, где я родился? Расскажешь?

— Помню, сынок, — отозвалась мать и, помолчав, продолжила: — Я тебе рассказывала, как мы с папой познакомились?

Рис. 2. В отчаянии она схватила вожжи и выбежала на улицу, пытаясь поймать разгравшегося сына.

Но юркий Арсений, словно лисёнок, ловко ускользал, принимая погоню за игру...

Арсений кивнул.

— Через неделю папа приехал к нам в Завражье со сватами и увёз меня к себе в посёлок. Стали мы жить семьёй. Первым у нас появился Андрей, через два года — Ваня, через три — Иринка.

А ещё через три года, перед самой войной в сорок первом, родился и ты. Назвали тебя Арсением. Это значит — сильный, мужественный. Вот ты у нас такой и растёшь.

— Мам, мам, а дальше? Как всё было? — не терпелось Арсению.

Анастасия Петровна сникла, но продолжила:

— Дальше, сынок, было горько. Началась война, и отец ушёл на фронт. Провожали призывников всем посёлком, а мы его — всей семьёй. На прощание он обнял нас, тебя взял на руки, подбросил трижды над головой и вернул мне, как самое дорогое, самое ценное.

Арсений хотел спросить ещё что-то еще, но Анастасия Петровна спохватилась. Мать не имела права быть слабой перед сыном, который вырос быстрее, чем шли его годы. Почти незаметно она смахнула слёзы углом выцветшего платка и крепко прижала мальчика к себе.

— Держись, маленький мой... — произнесла она, преодолевая дрожь. — Вот вернётся отец с войны, и всё у нас наладится. Перемелем все беды и заживём как в сказке, вот увидишь...

Она легонько подтолкнула сына к выходу, стараясь сменить горечь на деловитость:

— А ну, хватит сырость разводить. Пойдём, помогать будешь, дело есть.

Но сказка оборвалась, едва начавшись. Короткий, сухой стук в окно заставил её насторожиться.

— Петровна, открывай! Письмо тебе, — прозвучал негромкий голос.

В интонации Веры Сергеевны не было ни волнения, ни тревоги. За годы войны почтальон научилась гасить в себе лишние чувства, иначе сердце бы просто не выдержало. Она выполняла свою работу как тяжёлый ритуал: прийти, отдать, уйти.

Анастасия Петровна вышла на крыльцо. Тревога ещё не успела оформиться в ледяной ком, но пальцы уже мелко дрожали.

— Заходи, тётя Вера, — глухо позвала она.

Вера Сергеевна, женщина лет пятидесяти с лицом-маской, вошла в избу. Она вытянула из сумки конверт. Прямоугольный, казённый, пахнувший сургучом и штабными чернилами — он теперь лежал в руках хозяйки.

Анастасия Петровна не пыталась скрыть дрожь. Она рванула край бумаги и пробежала глазами строчки: «Уважаемая Анастасия Петровна... Ваш муж, Сосновский Иван Васильевич, в тяжёлых боях под Воронежем, проявив геройство и мужество... погиб...»

Слова расплывались, сливаясь в чёрные пятна. Спазм перехватил горло. Оцепенение длилось лишь миг, а затем суровая правда прорвалась наружу. Не чувствуя слёз, Анастасия Петровна вцепилась в свои волосы, которые ещё минуту назад были чёрные как смоль, а теперь подёрнулись инеем, становясь седыми, как утренний туман.

С нечеловеческим криком она выбежала из избы. На подламывающихся ногах она металась по двору, вскидывая руки к тому самому «большому небу», которое ещё утром обещало сказку. Её крик, похожий на рёв раненого зверя, летел над лесами и болотами, достигая самых дальних окраин деревни.

Дети стояли поодаль, прижавшись друг к другу — безмолвные, застывшие от ужаса, охватившего мать. Арсений не выдержал и первый ринулся к маме, а следом за ним присоединились остальные братья и Иринка.

Соседи сходились на этот плач, заботливо окружая вдову. Но такое горе невозможно было унять даже самыми искренними словами. В какой-то момент силы покинули Анастасию Петровну. Тело обмякло, голос сорвался на хрип, ноги подкосились. Женщины бережно подхватили её, ставшую почти невесомой, и повели в избу. Уложили на ту самую кровать, где совсем недавно они с Арсением мечтали о лучшей доле.

Дети тут же снова окружили её. Пристроившись на краешке, они ласково касались материнских рук. Окружённая этим живым кольцом, Анастасия Петровна погрузилась в забытие. Сон — тяжёлый, но спасительный — окутал её; изредка она вздрагивала, словно отголоски боли всё ещё сотрясали её изнутри.

Мальчики замерли, боясь шелохнуться и нарушить этот хрупкий покой. Но Вселенная великодушна. Она всегда оставляет надежду на то, что завтра принесёт исцеление. Так и случилось.

Глава 3. Председатель

Сон после тяжёлого потрясения не принёс отдыха. Он больше походил на глубокий обморок, чем на восстановление сил. Анастасия Петровна открыла глаза, когда первые лучи солнца, яркие и ослепляющие, бесцеремонно ворвались в избу.

Мимоходом взглянув в потускневшее зеркало, она не узнала себя. Из мутной глубины стекла смотрела чужая женщина с посеревшим от нужды и горя лицом, словно высеченным из камня. В каждой морщинке затаилась усталость человека, чей мир только что рухнул. Поднять четверых детей, обустроить дом, сохранить хоть каплю надежды — задача почти непосильная. Мысль эхом отозвалась в груди: впереди не просто жизнь, а битва за выживание. Дома в закрытых шарах покати — надо идти в правление к председателю.

Ледяная вода из умывальника обожгла лицо, смывая остатки ночного оцепенения. Почувствовав прилив внутренней силы, она снова подняла взгляд на свое отражение. Теперь на неё смотрела совсем другая Анастасия Петровна: плечи расправились, в глазах вспыхнуло то пламя, которое не гаснет даже в беде.

— Я не сдамся, я выдержу, — прошептала она. Голос прозвучал твёрдо, без дрожи. — Ради деточек смогу всё!

Она быстро поправила платок, одёрнула одежду и с какой-то новой, ранее неведомой ей стремительностью вышла на крыльцо. Деревенский воздух был свеж, но Анастасия Петровна едва его замечала. На мгновение она остановилась, сверяя правильность принятого решения, а затем решительно зашагала по пыльной дороге к зданию правления колхоза «Новая заря».

Лицо председателя Гурьяна Ивановича было знакомо ей до мелочей. За маской руководителя скрывалось уязвлённое мужское самолюбие. Он не раз пытался подступить к Анастасии Петровне, но каждый раз натёкался на стену неприступности. Эта тихая война длилась не один год: Гурьян Иванович мстил мелко и расчётливо, урезая трудодни или вовсе «забывая» их начислить. Жаловаться было некому — здесь его слово было законом.

— Ничего, посмотрим, кто кого! — пронеслось в голове у Анастасии Петровны.

Она не вошла — она влетела в кабинет, принося с собой запах утренней свежести и холодную решимость. На мгновение в глазах председателя мелькнуло замешательство: такой он её ещё не видел. Но он быстро взял себя в руки и нацепил привычную маску сочувствия.

— Здравствуй, Петровна. — произнес он. — Слышал о твоём горе. Искренне соболезную, правда... Присаживайся.

Он указал на жёсткий стул. Анастасия Петровна села, не сводя с него прямого, жгучего взгляда. Она уже набрала в грудь воздуха, готовясь высказать всё, что копилось месяцами, но председатель прервал её коротким жестом.

— Знаю, Настя, зачем пришла. Не в первый раз ведь... — он внезапно осёкся, заметив двусмысленность своих слов. Поправив воротник френча, добавил:

— Ты же знаешь моё отношение к тебе. Сейчас всё решим. Выпишу на первое время продовольствие, а там и новый урожай подоспеет.

Резкая отповедь уже висела на языке — годы терпения и гордость требовали выхода. Но перед глазами встали дети — их голодные, выжидающие взгляды. Ради них она заставила себя сдержаться. Анастасия Петровна лишь молча кивнула, принимая перемирие в этой затяжной войне.

Гурьян Иванович, нарочито церемонно, выписал накладную: два пуда овса, два пуда пшеницы и пуд гороха. В голодное время эти цифры весили больше золота; зерно означало жизнь.

Он поднялся со стула и протянул листок. В этом жесте сквозило привычное покровительство, которое он так любил демонстрировать.

— Подойдёшь к Игнату Петровичу, бригадиру. К вечеру всё привезут. Рад помочь в трудную минуту, — добавил он с улыбкой, словно делал одолжение.

— Благодарствую, Гурьян Иванович, — сухо ответила она, забирая бумагу.

Но внутри у нее всё бурлило: обида за прошлые притеснения и годы борьбы с его самодурством. Она не удержалась и, глядя ему прямо в глаза, добавила:

— Но ведь ты знаешь: всё это давно должно было быть у меня на дворе. И то, что колхоз за прошлые трудодни задолжал, — тоже. Это мой труд, Гурьян Иванович, мой пот. Да что с тобой говорить...

Лицо председателя исказилось, но он подавил гнев. В голосе прозвучала вынужденная сдержанность:

— Иди, Настя, иди. Соберём новый урожай — сочтёмся.

Выйдя из душного кабинета, Анастасия Петровна направилась к бригадиру. Игнат Петрович, молодой мужчина лет тридцати пяти, был полной противоположностью председателю. Весёлый, разбитной, он вернулся с фронта на втором году войны. Оставил там левую руку, но сохранил удивительную душевную щедрость.

Увидев Анастасию Петровну, он искренне улыбнулся — и у неё отлегло от сердца, а комок обиды растворился.

— Всё сделаем, Петровна, — мягко сказал он, изучив накладную. — Иди домой, не беспокойся. К вечеру телега будет у тебя на дворе, разгрузим и разложим всё, куда покажешь.

Ноги не слушались, мысли блуждали между пережитым унижением и грядущими заботами. Обидно было не за себя — за детей, которых приходилось кормить тем, что росло под ногами. Она думала о старшем, Андрее, который уже стал опорой. Он ловил в силки клестов, обрывал с лип почки для лепёшек, собирал живицу и берёзовый сок. Без него выжить было бы невозможно.

Собрав остатки сил, Анастасия Петровна подошла к дому уверенной походкой, без следа грусти на лице. Дети гурьбой окружили её. Все вместе они ввалились в избу, бережно уложили мать на кровать и укрыли поношенным байковым одеялом. Потом разбежались по делам, и только Арсений остался рядом, пока она не погрузилась в глубокий сон. И этот сон принесёт загадки, которые откроются ей не сразу.

Дети и родной дом были для Анастасии Петровны тем самым местом, где она могла расслабиться, черпая силы из самих стен. За ночь душа пришла в равновесие, успокоилась — и этого хватало на новый день, полный хлопот и бесконечного деревенского быта.

Глава 4. Вещий сон

Арсений еще долго сидел у изголовья, с любовью наблюдая, как дыхание матери становилось ровным. На ее лице мелькала едва заметная улыбка. Это был знак: разум погрузился в глубокий сон, где реальность переплелась с видением.

Перед ней открылось широкое поле, залитое золотыми лучами солнца. Легкое ситцевое платье шелестело на ветру, обвивая стройную фигуру. Вдруг вдали показались дома; дети с сумками из грубой ткани спешили в школу. Среди них Анастасия увидела и своих: Андрея с Иринкой и маленького Арсения. Иван нехотя плелся следом, но руки его были пусты.

Видение изменилось. Дети растворились в пространстве. Перед взором возникли привычные очертания родного дома и единственная улица, тянущаяся через всю деревню. Вдалеке, словно в тумане, замаячила фигура мужчины. Стройный, высокий, — он был одет по-городскому. Проходя мимо ее избы, незнакомец всё время оглядывался на окна, а затем исчез так же незаметно, как и появился.

Очнувшись, Анастасия Петровна долго лежала с открытыми глазами, пытаясь осмыслить загадочный сон.

— Почему Андрей и Иришка шли с книжками, а Иван плелся налегке? — И кто этот мужчина, что возник из тумана, словно призрак?

Но размышления прервал тихий шорох. Арсений сидел у изголовья, никуда и не уходил. Осторожно, боясь потревожить её покой, он поглаживал мамины руки и, заглядывая в глаза, тихо спросил:

— Мама, мамочка, как ты?

Сердце Анастасии Петровны сжалось от нежности. Она прижала любимца к себе. И словно по команде, остальные дети, почувствовав мамину улыбку, тоже подбежали, окружив её теплыми объятиями. Эта ласка на мгновение вернула её из мира снов в суровую реальность.

Она обхватила их всех крепкими руками и тихо произнесла:

— Деточки мои, родные... Вы — моя жизнь, моя опора. Вместе мы всё преодолеем, и всё у нас будет хорошо.

Эти слова добавили ей сил. Дети — самые дорогие существа на свете — снова давали ей уверенность. Она почувствовала, что никакие беды не сломят её, пока сердце наполнено их теплом. Но Анастасия Петровна еще не знала: впереди ждет выбор, сделать который будет ой как непросто.

Глава 5. Несостоявшаяся любовь

В тот день привычная сонная тишина деревни была нарушена гулким шумом. Сквозь вязкое бездорожье, с глубокими колеями и канавами, словно медленно ползущий гигант, в деревню доставили железного исполина — локомотив сороковых годов. Два гусеничных трактора, спаренных в одну упряжку, протащили из райцентра это чудовище за двое суток. Машина, вся из клёпаного железа, с запахом остывшего пара и старой смазки, казалась живым монстром: в её громоздкой утробе сжигалась мелко наколотая древесная чурка, превращая механизм в ревущую печь на колёсах.

Чтобы оживить этого чудо-великана, из района прислали опытного машиниста, а председатель колхоза выделил ему трёх местных помощников. Через неделю гигант был готов к пробному запуску. На церемонию собралась вся деревня — от мала до велика. Воздух словно вибрировал от напряжения. Сначала послышалось натужное сопение, затем тяжёлый, гулкий рокот, который отражался от кромки леса и расходился по окрестностям. На этот зов, подобно набату, потянулись любопытные из соседних сёл.

И вот машинист натянул тросик клапана, гудок прозвучал так мощно, что у многих присутствующих подкосились ноги и они садились на корточки прямо на траву. Когда локомотив заглушили, после такого рева наступила почти мистическая тишина.

Председатель колхоза, поднявшись на небольшой пригорок, торжественно произнёс короткую речь:

— Дорогие односельчане, этот исполин — лишь начало механизации труда в нашем колхозе. Он будет работать во благо всех нас — крутить пилораму и давать продукцию на все окрестные деревни. Мы с вами будем жить лучше, и у нас всё ещё впереди!

Дружные аплодисменты прокатились по толпе, и люди постепенно начали расходиться, обсуждая чудо техники и робко выказывая удивление — уж больно громоздкая.

Анастасия Петровна шла домой с детьми, увлекая их за собой. Все они пытались разглядеть гиганта в деталях, задавали нескончаемые вопросы, но в общем шуме было трудно что-либо расслышать. Да и мама сама видела эту технику впервые, поэтому лишь с мягкой улыбкой слушала неумные реплики сыновей и дочки.

И тут боковым зрением она заметила машиниста, который неотрывно смотрел на неё. Их взгляды пересеклись на долю секунды, и в голове у Анастасии Петровны мелькнула мысль — вот она, вторая часть того сна, который она уже стала забывать. Но задерживаться не стала. Легонько подтолкнув детей, она повернула к дому, всё ещё ощущая на себе чужой, едва уловимый интерес и лёгкое дрожание сердца, словно предчувствуя, что эта встреча лишь останется в памяти, но никогда не перерастёт в нечто настоящее.

Локомотив был запущен, но кто-то из местных должен был им управлять. Машинисту поручили подготовить двух человек из числа механизаторов колхоза и оставили в деревне на неопределённое время.

Дни текли своим чередом, но привычный ритм жизни Анастасии Петровны был нарушен состоянием неопределённости. Каждый вечер, когда сумерки окрашивали деревню в золотисто-багровый цвет заката, за её окном мелькала одна и та же фигура.

Присмотревшись, она узнала того самого машиниста, с которым встретилась взглядом во время пробного запуска локомотива. Он медленно прогуливался вдоль дороги, словно поджидал кого-то. Анастасия Петровна невольно усмехнулась про себя, вспомнив отголосок сна: «Надо же... всё в точности, как привиделось...» — прошептала она.

Приезжий был впечатляющим: стройная фигура, спокойная, уверенная походка, идеально сидящая на нём одежда — всё говорило о его внутренней силе и вызывало восхищение.

Но рядом с этим восхищением накатывала волна сомнения: четверо детей на руках, дом, хозяйство. Какому мужику нужна такая ноша? И всё же мысль о вещем сне уже глубоко пустила корни в её сердце.

Случай представился неожиданно. Анастасия Петровна возилась во дворе, когда услышала шаги за спиной. Негромкий голос в вечерней тишине прозвучал словно гром:

— Здравствуйте. Можно ли вас отвлечь на минутку?

— Здравствуйте. — Она замерла, стараясь справиться с волнением, и ответила чуть строже, чем хотела: — Спрашивайте, раз пришли. Вы у нас человек новый... Что же вас здесь могло заинтересовать?

— Меня зовут Олег Иванович, — мягко произнёс он. — Про паровоз вы и так всё знаете. Меня оставили здесь ещё на пару недель, чтобы подготовить смену. Время летит быстро, поэтому... позвольте мне сразу перейти к делу?

Анастасия Петровна насторожилась, но, понимая, что тянуть нет смысла, сказала:

— Меня зовут Анастасия Петровна. И я — мать четверых детей. Раз есть у вас дело — выкладывайте как есть.

Олег Иванович едва заметно улыбнулся:

— Знаете, когда мы запускали локомотив, я сразу вас приметил. Вы другая. Нет, я не про красоту, хотя вы очень красивая... В вас чувствуется какая-то внутренняя сила, которая манит сильнее, чем внешняя привлекательность.

Анастасия Петровна на мгновение замерла. Слушая эти слова, она ощутила, как в груди затрепетало странное, почти забытое чувство. Тяжесть прожитых лет вдруг словно рассеялась, а на смену пришла лёгкая, едва уловимая игривость. Она осознала себя не измученной бытом матерью с четырьмя малыми детьми, а женщиной, которую впервые за долгое время по-настоящему заметили. Мягким, почти кокетливым жестом она прервала его признание:

— Олег Иванович, вы это к чему ведёте? Предлагаете роман закрутить или у вас на уме что-то совсем иное?

Машинист на мгновение опешил, сбитый с толку её лукавым взглядом, но быстро взял себя в руки. Лицо его стало серьёзным, почти торжественным:

— Ну что вы, Анастасия Петровна... Скажу прямо: я человек одинокий и пришёл с одной мыслью — сделать вам предложение. Могли бы мы стать семьёй? Ваши дети для меня не помеха.

Тишина во дворе стала осязаемой, словно сама природа замерла, прислушиваясь к этим словам. В глубине души Анастасия Петровна признавала, что даже ожидала такого вопроса, но, услышав его, всё же с трудом могла скрыть волнения.

Наконец, собравшись с силами, она тихо, но твёрдо произнесла:

— Не скрою, Олег Иванович, моя ноша тяжела — одной поднимать четверых детей. И всё же это... слишком внезапно. Мне нужно подумать, а главное — поговорить с ребятами. Без их согласия я не могу принять такое серьёзное решение. К тому же мы совсем не знаем друг друга, а это самое важное.

Её голос был спокоен, но в нём сквозила внутренняя стойкость. Олег Иванович кивнул, уважая её осторожность. Возникла пауза, напоминавшая о том, что настоящая совместная жизнь — это не романтическая сказка, а сложные решения, ответственность и взаимное доверие.

Приезжий механик к её словам отнёсся с глубоким уважением и продолжил:

— Я понимаю вас, буду ждать ответа. У нас ещё есть время, чтобы познакомиться поближе, Анастасия Петровна.

Но в его взгляде улавливалось разочарование — он ожидал быстрого согласия, учитывая её положение. Немного помедлив, он развернулся и растворился в сумерках наступившего вечера.

Анастасия Петровна долго стояла на крыльце, провожая его взглядом, а войдя в избу, ощутила необычную тишину. Дети сидели у окна, затаив дыхание, и три пары глаз внимательно следили за каждым её движением, пытаясь понять, что же происходило во дворе их дома.

— Раз уж вы всё видели, — мягко начала она, — давайте обсудим это. Я никакого решения не приму, не спросив вашего совета. Я так вас люблю, мои хорошие...

Мальчишки и Иринка притихли, слушая каждое слово. Наконец старший, Андрей, на чьи плечи уже легла тень мужской ответственности, произнёс решительно, с той взрослой уверенностью, что обычно не свойственна его возрасту:

— Мама, а зачем он нам? Мне пятнадцать, я уже не маленький. Я во всём тебе опора.

Он взглянул прямо в глаза матери и добавил, уже мягче, почти по-детски:

— Нет, мама, не нужен нам в доме чужой человек.

И тут же прижался к ней, ища понимания, словно пытаясь одновременно защитить её и себя от неизвестного будущего. В комнате повисло напряжение, как будто сама судьба замерла, ожидая выбора, который ещё предстоит сделать.

Арсений тоже не остался в стороне. Он тихо подошёл к маме, обнял её своими маленькими ручонками и почти шёпотом, так, чтобы никто не услышал, произнёс:

— Мамочка, это не наш дяденька, он нам чужой, я так увидел.

Анастасия Петровна, удивлённая такими словами самого младшего, ласково провела рукой по его голове и, обернувшись ко всем своим родным, тепло, но убедительно сказала:

— Хорошо, дети, может, вы и правы. Андрей, ты у меня действительно стал надёжным помощником. Да и остальные уже не малыши. Давайте пока все успокоимся и вместе примем решение. А я что-то устала, пойду прилягу, отдохну немного.

Она опустилась на кровать и погрузилась в свои тревожные раздумья, перебирая в памяти события ушедшего дня. Встреча оставила у неё двойственное впечатление: в словах Олега Ивановича не чувствовалось той глубокой искренности, на которую она могла бы опереться. Это не вызывало у неё прямого беспокойства, скорее заставляло всё тщательно взвесить, прежде чем давать какой-либо ответ. С этими мыслями она улеглась поудобнее и незаметно заснула.

Дни шли, уже подходила к концу неделя, а Олег Иванович так и не появлялся. Это и огорчало, и настораживало Анастасию Петровну. Она размышляла спокойно, хладнокровно, без жалости к себе: если человек, сделав предложение, не ищет встречи и не пытается сблизиться с детьми, значит, его намерения — ложь и лукавство.

«Андрей был прав, — грустно подумала она и продолжила: — Обойдёмся без мужика с сомнительным предложением. Да и Арсений что-то почувствовал... Неужели та шаровая молния как-то повлияла? Ладно, главное — детей на крыло поставить, а о себе подумаю потом».

Успокоив себя такими словами, она старалась больше не думать об этом, окунувшись в свои обширные повседневные заботы.

Лишь к концу второй недели Олег Иванович снова объявился. Анастасия Петровна заметила его из окна: мужчина долго стоял недалеко от калитки, не двигаясь, словно взвешивал каждый шаг.

Она не стала долго ждать, глубоко вдохнула и, расправив плечи, вышла сама — уверенная, спокойная, решительная. Разговор оказался коротким. Она подошла к нему и, глядя прямо в глаза, нарочито ровным, негромким голосом произнесла:

— Олег Иванович, хорошо, что вы пришли. Я готова сказать вам свое решение — мои дети не готовы принять в дом чужого человека. Да и я к этому не склонна.

Не дожидаясь ответа, Анастасия Петровна вернулась к детям:

— Родные мои, — широко улыбаясь, объявила она, — вот всё и разрешилось. Будем жить, как жили. И не надо нам никого чужого в доме — наш Андрюша оказался прав.

Дети с восторгом облепили её со всех сторон, радуясь своей победе. Анастасия Петровна крепко прижимала к себе их тёплые тела, и в её душе переплелись горькая грусть и безграничное счастье — они для неё надежда, опора и тот непоколебимый центр, вокруг которого строилась вся её жизнь.

Олег Иванович какое-то время стоял в нерешительности, как будто ожидал именно такого ответа и пришёл лишь для того, чтобы это услышать. Он не пытался задерживать Анастасию Петровну, что-то спросить, объяснить или уточнить; минуту постоял молча и, погружённый в только ему понятные размышления, направился к своей временной обители в деревне.

Спустя неделю Олег Иванович уехал, даже не заглянув, чтобы проститься. Смену себе он подготовил, а локомотив, вновь подключённый к пилораме, как и ожидалось, стал снабжать обрезной доской и брусом всю деревенскую округу.

Анастасия Петровна пережила это событие без лишних волнений. Всё произошло именно так, как должно было — тут не было ни настоящей любви, ни глубокого чувства, лишь мимолётный порыв мужского любопытства.

Так и завершился этот деревенский роман, заглохнув, как тот старый локомотив, который когда-то запускали всем колхозом. Больше всего Анастасия Петровна радовалась, что всё решилось быстро и без лишних драм. Она окончательно осознала: продолжение этой истории было бы для неё не просто горьким эпизодом, а настоящей катастрофой её жизненной философии.

Но жизнь, сама по себе, настолько не предсказуема, что каждый день приносит такие неожиданности, которые предвидеть невозможно. И следующий день не стал исключением.

Глава 6.

Трудное решение

После похоронки Анастасия Петровна всё ещё ощущала внутреннюю пустоту. Ноющая боль прочно осела в груди и преследовала день за днём, не давая дышать полной грудью. Но она понимала: расслабление — роскошь, которую она не могла себе позволить. Её силы нужны были детям, ещё слишком хрупким для суровой жизни.

Стараясь заглушить тревогу и горечь, Анастасия Петровна полностью погрузилась в повседневные дела. Уход за домом, за хозяйством, работа на колхозных полях и фермах — всё это стало своеобразной защитой, щитом, за которым можно было спрятаться от непрестанно ноющей боли. В глубине души роились мысли: как вырастить детей достойными людьми? Как не сломать их ещё в детстве? Ответов не было, одни лишь тихие размышления и настойчивое чувство ответственности.

Мысли путались, как в тумане, пока внезапно во двор не въехала повозка — телега, запряжённая лошадей. В ней восседали две женщины средних лет. Привязав лошадь к балясине крыльца и, постучавшись, они неспешно вошли в дом.

Анастасия Петровна пригласила их к столу и предложила чай на лечебных травах — ароматный, тёплый, словно маленький островок спокойствия среди бури чувств.

Женщины не стали отказываться, сели за стол и изложили цель визита:

— Уважаемая Анастасия Петровна, мы прибыли к вам от администрации детского дома. Нам поступил сигнал от жителей деревни о вашей семье. Мы готовы предложить помощь: часть детей временно принять в детский дом, чтобы немного облегчить вашу жизнь. Как вы смотрите на такое предложение?

Слова прозвучали ровно, но внутри Анастасии Петровны что-то дрогнуло. Она взглянула на детей. Андрей, старший, уже был надёжной опорой в доме; Иринка, девочка — куда её отпустишь? Арсений — крошка ещё совсем. А Иван, средний, словно почувствовал своё предназначение. Он сделал шаг вперёд, глаза блестели решимостью, и его голос прозвучал тихо, но твёрдо:

— Мама, я согласен. Я хочу в детдом... отпустишь?

Дети замерли и смотрели на Ивана с удивлением. Только мама, вспомнив странный сон, смахнула слезу и крепко прижала к себе свою кровинушку. Сердце сжалось, но она понимала — это единственно правильное решение и для семьи, и для Ивана тоже: он будет под надёжным присмотром, сыт и одет, учиться будет. Она повернулась к детям:

— Дети мои, отпустим в детский дом нашего Ванечку, раз он так хочет? Все согласны?

И тогда случилось чудо маленькой сплочённости: дети дружно подбежали к Ивану, обнимали и тискали его со всех сторон, словно сообщая: «Мы рядом, поддержим тебя».

Трудное решение было принято. В этот момент Анастасия Петровна почувствовала и облегчение, и огорчение. Ей, пожалуй, впервые за долгое время, показалось, что тяжесть на сердце немного отступила — как бы там ни было, а эта помощь в пору.

Социальные работники не вмешивались в семейное прощание, но, наблюдая за этой сценой, едва сдерживали слёзы. Вечернее солнце окрашивало двор в тёплые золотистые тона, а женщины, аккуратно распрягли лошадь, привязали узду к телеге, загруженной сеном, чтобы утром отправиться в обратный путь.

Гостей на ночь разместили прямо на полу, расстелив туго набитые соломой матрасы. Запах сухого сена смешался с ароматом разнотравья, и уютная простота комнаты будто обволокла всех присутствующих, смягчая тяжесть принятого решения.

Утомлённые разговором, который носил оттенок и официальности, и тревоги за будущее детей, все быстро погрузились в сон.

Наутро Анастасия Петровна приготовила завтрак из того, что было в доме, накормила гостей и вышла во двор, чтобы помочь загрузить побольше сена в телегу. Но женщины уже были готовы: лошадь запряжена, повозка загружена, всё было готово в дорогу.

Заметив необычную возню, к дому подошла соседка Валерия Юрьевна. Её муж, Василий Васильевич, и муж Анастасии Петровны были родными братьями. Они не были близкими подругами, но дети постоянно играли вместе.

— Здравствуйте, соседи, — негромко промолвила она. — Вчера ещё заметила повозку, да уже поздно было. Мои-то спят ещё, будить не стала. Куда это Ваню отправляете?

— Здравствуй, Валерия, — отозвалась Анастасия Петровна, отметив её необычную полноту, которую раньше не замечала. И продолжила:

— Ваню в детский дом отдаём. И ему лучше будет, да и нам полегче.

— Вот и правильно. И сыт будет, и одет. Да и в школу уже пора подходит. — Сказав это, Валерия присоединилась к проводам.

Иван вёл себя бодро, но было заметно, что в его сердце присутствовало смятение — ведь он часть этой семьи. Смахнув слезу, он легко, по-мальчишески запрыгнул в телегу, удобно устроившись на сене.

А когда повозка была полностью готова, тут уж все дружно, как сговорились, всплакнули. Мама и дети, обнимая Ивана, желали ему не скучать, помнить о родном доме и по возможности приезжать на побывку. Присоединилась и Валерия.

Повозка тронулась, когда лёгкий шлепок вожжей по бокам лошади прозвучал в звенящей утренней тишине на восходе солнца. Оставшиеся ещё долго смотрели вслед удаляющейся повозке, пока она не скрылась за крутым поворотом лесной дороги. В их сердцах смешались тревога и любовь — и в этом прощании уже проскальзывала тихая надежда на лучшее будущее.

Утро в деревне было необычайно тихим. Анастасия Петровна остро ощутила непривычную пустоту, которая воцарилась в доме, сдавливая ей грудь. Арсений, как всегда, прижимался к маме, наверное, больше всех переживая за брата, а Иринка тихо убирала посуду после завтрака, стараясь заглушить дрожь в руках.

Андрей, уже почти взрослый, взял на себя заботу о хозяйстве: проверял запасы зерна, кормил животных, разносил воду из колодца. Его решительная уверенность вдохновляла младших, но в глазах иногда мелькала усталость — слишком велика ответственность легла на его ещё хрупкие плечи.

Анастасия Петровна, несмотря на внутреннюю боль, старалась быть опорой для всех. Каждое утро начиналось с ритуала: она проверяла, чтобы у детей была еда, одевала их, отправляя в школу, а сама шла на колхозные работы.

В лесу за околицей птицы пели свои первые весенние песни, а ветер нежно шевелил на деревьях молодые листья. Казалось, сама природа поддерживала их, шепча: «Вы выдержите. Вы сильны вместе».

Глава 7.

Нежданное возвращение

Когда осеннее солнце перевалило за полдень, к дому Валерии Юрьевны подкатила телега. На ней сидел мужчина средних лет — по-военному подтянутый, одетый в добротную гражданскую одежду. Рядом лежал туго набитый брезентовый вещмешок и старая, выдавшая виды армейская шинель. Весь его облик выдавал солдата, который слишком много повидал на этом свете.

Расплатившись с возницей, он подхватил вещи и шагнул к калитке так уверенно, будто за плечами не было ни лихолетья немецкого плена, ни долгой ссылки на Урал, а впереди ждал лишь тихий семейный ужин. Но в избе, к которой он шёл, судьба уже приготовила совсем иной расклад.

Анастасия Петровна, увидев эту сцену в окно, всё поняла вмиг. По спине пробежал ледяной холодок: добром это не кончится. Вспомнив, как округло выглядела фигура Валерии во время проводов Вани, она, не раздумывая, подхватила детей и почти бегом бросилась к соседскому двору.

Когда она распахнула входную дверь, в комнате нависла тяжёлая, гнетущая тишина. Валерия Юрьевна застыла как столб посреди горницы. Её лицо, ещё утром яркое и красивое, исказила жуткая, ломаная гримаса; глаза закатились, обнажая белки. Широкое платье не могло скрыть очевидного: высоко поднятый округлый живот выдавал тайну, которую не искупить никакими оправданиями. Интуитивно помня о ребёнке, она ещё пыталась удержаться на ногах, но вернувшийся муж — Василий Васильевич — бросил вещи и успел подхватить её, не дав рухнуть на пол. Валерия Юрьевна находилась в полуобморочном состоянии, а от неожиданного потрясения у нее начались схватки.

Анастасия Петровна, отыскав глазами старшего сына, командовала:

— Андрюша, за фельдшером, Антониной Павловной! Живо!

Детей, не понимающих, что тут происходит, быстро удалили в другую комнату и строго наказали — сидеть тихо и не высовываться.

В доме начался лихорадочный шум: грели воду, хлопая заслонкой печи, ждали фельдшера. Анастасия Петровна сама не раз принимала роды в посёлке, но понимала, что вмешиваться сейчас не имеет права. Прибежавшая фельдшерица на ходу сбросила платок, до белизны оттерла руки хозяйственным мылом и приступила к привычному ей делу.

А Василий Васильевич будто ослеп и оглох. Он опустился на табурет, придавив голову тяжёлыми ладонями, и в этой полутьме перед ним поплыли крутые скалистые берега реки Чусовой. Те самые отвесные кручи — место его ссылки, где он выживал ради этого дня. Окружение, плен, лесоповал — всё это казалось несущественным, пока в вещмешке лежали подарки для детей и жены, купленные на его накопленную небольшую сумму.

Он ехал к теплу, а приехал к пепелищу. Мир, который он так бережно хранил в памяти, рухнул под крики жены, рожавшей чужого ребёнка.

Ночь полностью поглотила деревню, когда суета в доме наконец стихла. Движения женщин стали медленными, почти механическими — уставших от чужой боли и проделанной тяжёлой работы. Тишину разрезал негромкий, сухой голос Антонины Павловны:

— Ну что, соседи мои хорошие... Валерию мы отстояли. Кровь уняли, жить будет. А малыша спасти не удалось. Не сдюжил.

Она бессильно опустилась на лавку рядом с Анастасией Петровной и уронила руки на колени. Смерть ребёнка, так и не издавшего первого крика, казалась ей закономерной расплатой за то потрясение, что пережила мать.

Валерия лежала на кровати тенью самой себя. Только слабая пульсация жилки на шее подтверждала: она ещё здесь, в этом мире.

Василий Васильевич поднялся. Его взгляд, тяжёлый и пустой, скользнул по усталым лицам женщин. Он поблагодарил их коротко, по-мужски, давая понять: лишние слова сейчас только ранят. Осмотревшись, мужчина покосился на семейное ложе. Этот жест был красноречивее любых проклятий: у него больше не было дома, была лишь точка временного постоя.

Его взор остановился там, где у стены стояла грубо сбитая из досок кушетка. Он стал неспешно расстилать свою выдавшую виды шинель, ту самую, что спасала его от холода в далёкой ссылке.

Анастасия Петровна заглянула к детям. Малыши уснули прямо на полу среди своих нехитрых игрушек. Только Андрей сидел в углу, не смыкая глаз. Он понимал: в эту ночь здесь, в этой комнате, рухнуло что-то огромное. Растолкав Иринку и Арсения, Анастасия Петровна повела их к выходу. У самой двери она замерла, обернулась к Василию:

— С возвращением, Василий Васильевич... В родной дом. Сердце за тебя болит. Отдыхай с дороги, мы рядом, поговорим ещё. Спокойной ночи.

И, увлекая детей за собой, она вышла на крыльцо, погрузившись в темноту ночи. Пока в избе боролись за жизнь, прошёл ливневый дождь, которого даже не заметили. Земля на тропинке к дому совсем раскисла, но расстояние было коротким, и уже через пару минут они были у себя.

Уложив детей спать, Анастасия Петровна тоже упала на свою кровать. Усталость во всём теле после событий в соседнем доме навалилась с такой силой, что она незаметно для себя заснула.

К утру тучи разошлись, как ни в чём не бывало. Из-за горизонта выкатилось солнце, согревая остывшую за ночь намокшую землю. Наступал обычный для глухой деревушки будний день с его нехитрой бытовой жизнью.

Анастасия Петровна занималась привычными делами по дому, накормила детей и уже хотела идти проведать соседку, как в дом влетел маленький Иван, старший сын Валерии Юрьевны.

— Тётя Анастасия! Папа велел звать вас на чай, прямо сейчас. Придёте?

— Хорошо, Ванечка, придём. Я уже как раз к вам собиралась. А ты беги, скажи, что мы скоро будем.

Она принарядила своих, насколько позволяли скромные возможности, но на душе было тошно. Торжества не получалось. В глухой деревне измена мужу, пока тот на фронте или в далёкой ссылке, считалась клеймом, которое не смыть годами. Анастасия знала: деревня Валерию не поддержит, и это чаепитие будет не праздником, а лишь подтверждением того, что семья разрушена бесповоротно.

На знакомое крыльцо поднимались молча. Анастасия Петровна открыла дверь и пропустила вперёд детей. Они сразу вовлеклись в свои ребячьи разговоры. Взрослые принялись накрывать стол, чтобы за чаем поздравить гостя с возвращением домой — что бы тут ни происходило.

Валерия Юрьевна чувствовала себя разбитой. Лицо её осунулось; хоть припадок уже прошёл, паралич полностью лишил её речи — общаться она могла только жестами. Анастасия Петровна пыталась поговорить с ней, пригласить к столу, но Валерия лишь мотала головой и беспорядочно махала руками, категорически отказываясь.

Между тем Василий Васильевич уже выставил скромное угощение: баранки, в простонародье называемые сушками, колотый сахар, конфеты-подушечки. За стол пригласили ребят.

Сам он держался спокойно, не выдавая внутренней боли, но было видно: скрывать это стоило ему немалых усилий. Малыши быстро расселись и сразу взялись пробовать баранки, которые видели впервые — в деревне такого не бывало.

Василий Васильевич, прихлёбывая травяной настой из массивной солдатской кружки, обратился к Анастасии Петровне:

— Ну, Настя, рассказывай. Как живёшь? Как хозяйство тянешь? Что слышно о моём брате Иване?

— Живу, как видишь, — поднимаю детей, сколько сил хватает. А Ваня мой погиб... На втором годе войны... Где-то под Воронежем. Похоронку недавно получила. Слава богу, справляюсь пока. Андрюшка, старший мой, уже помощник, легче стало. А ты-то как, Василий?

Василий Васильевич рассказывал всё как было — без злобы, без обид. О плене, о ссылке на Урал, о жестоких законах войны, которые не знают жалости.

Анастасия Петровна слушала его, не перебивая. Она понимала: в деревне ему оставаться нельзя, да и заработать на жизнь здесь возможностей нет. Она кивнула в знак поддержки и попыталась помочь убрать со стола, но Василий Васильевич жестом остановил её, показывая, что всё сделает сам.

Ей так хотелось спросить: «Что же дальше? Какие планы?», но язык не поворачивался. Василий Васильевич будто услышал её немой вопрос. Он аккуратно поставил кружку на стол и заговорил сам:

— Я всё решил, Настя. Валерия придёт в себя немного — уеду. Обратю на Урал. Там работа есть, там поймут. С собой заберу Ивана. Ему отец нужен — мужчина растёт. А Сашеньку... — голос его на мгновение дрогнул, но он взял себя в руки. — Дочку матери оставляю. Помощница из неё пока никакая, но подрастёт — не пропадут вдвоём.

Помолчали. Анастасия Петровна засобиралась домой. Дети уже поджидали у двери, и, прежде чем уйти, она сказала:

— Спасибо за угощение, Василий. Малыши ведь не видят здесь даже таких лакомств. Твоё намерение подождать, пока Валерия оправится от потрясения, я поддерживаю, это по-мужски, хотя, понятное дело, сама она во всём виновата. А я, когда дома, помогу чем смогу. Обращайтесь.

Они вышли на улицу. Волна свежего воздуха накрыла их с головой. Свой дом был рядом. Войдя в избу, они почувствовали, как тяжёлая атмосфера соседского дома сменилась привычным теплом своего очага. Но тень чужой беды ещё долго висела над ними, не давая настоящего покоя.

Прошло несколько дней. Василию Васильевичу становилось всё труднее находиться в этой гнетущей обстановке. Идти к председателю — прямому и косвенному виновнику трагедии — и выяснять отношения он не видел никакого здравого смысла. Наказать его физически — значит лишь усугубить ситуацию для всех: времена суровые, и кара была бы неотвратимой. Это был явно не выход.

Он видел, что Валерия потихоньку стала приходить в себя. Уже уверенно перемещалась по избе и даже делала какую-то посильную работу, но речи лишилась окончательно — специалисты, приехавшие из района, подтвердили: это уже навсегда.

День отъезда выдался ясным, но прохладным. Тринадцатилетний Иван не скрывал радости от того, что едет с отцом, хотя и до боли жалел о расставании с сестрёнкой и матерью, что бы прежде ни происходило.

Колхоз, словно стараясь поскорее зарыть эту неприглядную историю, выделил повозку. В телегу на сено уже была уложена самая необходимая в дорогу поклажа. Провожать вышла почти вся деревня, только напротив, в доме председателя, окна были плотно зашторены — там понимали, что их присутствие тут неуместно.

Валерия Юрьевна тоже не вышла на улицу. В комнате она упала перед Василием на колени и всеми жестами пыталась показать, что виновата перед ним и принимает его жестокое решение.

Иван уже сидел в телеге рядом с возницей, ожидая отца. Василий Васильевич поблагодарил низким поклоном провожающих за сочувствие, ловко разместился, подсев к сыну, и повозка тронулась в путь от лёгкого хлопка вожжей по бокам лошади.

По уже устоявшемуся обычаю люди не расходились, махая вслед руками, пока телега не скрылась за крутым поворотом дороги. Так же круто повернулась и жизнь семей — той, что уехала, и той, что осталась.

Вернувшись домой, дети постарше занялись своими делами. Только неугомонный Арсений, подсев к маме, снова тербил её расспросами:

— Мам... а почему дядя Василий и Ванька уехали?

Анастасия Петровна растерялась. Как объяснишь шестилетнему ребёнку трагедию взрослых людей, не сумевших сохранить самое ценное — семью? Как расскажешь о том, что они разделили детей между собой?

Арсений не стал ждать ответа. Дёрнув маму за рукав, он сказал:

— А я видел, что дядя Василий хороший. Он добрый и детей любит. Жалко, что они уехали с Ванькой...

Анастасия Петровна ухватила за эти слова. Она прижала Арсюшу к себе и вернулась к теме разговора:

— Сынок, у Василия там дела остались, которые просто так не бросишь. А Ивана с собой забрал, чтобы одному не быть на далёком Урале.

Сказав это, она постаралась сменить тему и позвала сына укладываться спать:

— Ты молодец, всё правильно понимаешь, по-взрослому. А теперь пойдём, я помогу тебе на полати забраться — старшие-то уже давно спят.

Деревня возвращалась к своей обычной жизни, стирая в памяти тяжелую драму минувших дней. Анастасия Петровна, несмотря на неподъёмные повседневные заботы, не забывала навещать Валерию Юрьевну. Она понимала: чтобы отойти от такого потрясения, потребуется немало времени — не день и не два, может, даже годы.

Но течение жизни остановить невозможно. Анастасия Петровна видела: подрастают её сыновья и дочка, и дальнейшие перемены в семье неизбежны. У Андрея впереди армия, Иринка скоро закончит начальную школу, начнёт учиться Арсений — забот впереди предостаточно. Но она к этому мысленно уже давно притерпелась и знала: всё идёт только к лучшему. И она очень постарается, чтобы так и произошло.

Глава 8.

Комиссия из района

Сентябрь сорок восьмого выдался на редкость солнечным — пришло бабье лето. Колхозный урожай уже собрали, и закрома ломились от зерна. Лишь на частных подворьях ещё кипела работа: люди спешили до первых холодов убрать всё, что вырастили на своих участках.

За прошедший год страсти в деревне поутихли. Валерия Юрьевна немного успокоилась, но немота так и осталась. Её дочка Саша и Арсений пошли в первый класс. Анастасия Петровна как могла опекала эту семью, считая это своим долгом. Старший сын Анастасии, Андрей, окончил семилетку с отличием. Он заметно возмужал, раздался в плечах и стал совсем взрослым.

Председатель колхоза, хоть и таил обиду на мать парня, вынужден был взять его на работу: грамотных людей в деревне совсем не осталось. Склонность к математике, так ярко проявившаяся в школе, теперь нашла применение в колхозной конторе — Андрею доверили всю бухгалтерию.

Гурьян Иванович привык хозяйничать по-своему: одним приписывал лишние трудодни, у других отнимал, путал записи, чтобы утаить часть колхозного продовольствия. Но Андрей с его юношеской прямоотой стал для него костью в горле. Он всячески препятствовал припискам и строго следил за каждой цифрой. Недовольный начальник, чтобы осадить помощника, добавил ему ещё и учёт горюче-смазочных материалов в тракторных бригадах.

Андрей не роптал. Он успевал везде: и в поле, и в конторе. Председатель вынужденно смирился, но Анастасия Петровна знала: этот человек ничего не забывает и в нужный момент напомнит, чтобы побольнее было.

Неожиданно из района прибыла комиссия. Возглавлял её Антон Иванович Подольский — заведующий районным земельным отделом (РайЗО), человек прямой и с волевым характером. Гурьян Иванович знал его и не на шутку встревожился: может, по делу соседки Валерии приехали? Как бы там ни было, он чувствовал вину за ту семейную трагедию, и беспокойство его не покидало. Усадив гостей в конторе, он настороженно ждал продолжения.

Подольский знал о неприглядной истории с семьей напротив, но, будучи человеком деликатным, темы этой не коснулся. Он представил членов комиссии и перешел к делу:

— Теперь по существу, товарищи. РайЗО принял важное решение, согласованное с исполкомом районного Совета. Колхозы деревень Полежаево, Половинка, Белогарье и Елшинская объединяются в один. Ваше Полежаево станет центральной усадьбой.

У Гурьяна Ивановича отлегло от сердца. Страх сменился сладким предвкушением: «Это же какой масштаб! Может, мне доверят?»

Антон Иванович продолжал:

— Вам, Гурьян Иванович, поручается организовать общее собрание. Мы вернемся через неделю. Выберем председателя объединенного хозяйства, а заодно решим — оставить название «Новая заря» или дать другое.

Прощаясь, Антон Иванович напомнил:

— Срок — неделя, Гурьян Иванович, не подведи. Чтобы всё было готово к собранию!

Председатель всё исполнил как положено. Он отправил посыльных по всем деревням, лично сверял списки — набралось около сотни человек, как раз то, что мог вместить зал в школе. Гурьян Иванович был собой доволен. В глубине души он уже видел себя во главе огромного хозяйства, но червоточина всё же точила изнутри: а если припомнят на собрании случай с соседкой? Огласка-то тогда на всю округу вышла.

В назначенный день, в воскресенье, школьный зал заполнился до отказа. Шум стоял, как в растревоженном улье — в деревне на такие мероприятия привыкли ходить с детишками. Анастасия Петровна, взяв за руку Арсения, тоже поспешила на собрание. Её старшие дети уже

давно были там: Андрей и Иринка всю знакомились со сверстниками из соседних деревень, оживлённо переговариваясь обо всём на свете.

Антон Иванович обвёл взглядом зал и, как только всё стихло, открыл собрание и огласил повестку дня. Как и полагалось, для ведения заседания выбрали председателя и секретаря. Начались прения. Зал оживился. Один за другим на трибуну поднимались колхозники и бригады, делясь наболевшим. Первым слово взял Сергей Иванов, бригадир из соседнего села:

— Колхозники! Нам есть что сказать. Недостатков — не счесть: труд непосильный, руки у людей опускаются, участки земельные урезали. Зачем — никто не объяснил. Пока война шла, мы терпели. Три года миновало, а ничего не меняется! Хотелось бы у районных властей спросить: чего нам ждать? Будут ли хоть какие-то перемены к лучшему?

От волнения у него перехватило дыхание и, не дожидаясь ответа, бригадир поспешил вернуться на свою скамью. Следом за ним вышла на середину площадки Евдокия Ильинична Полякова — баба боевая, активная, которую знала вся округа. Она окинула зал суровым взглядом и начала говорить:

— Дорогие мои товарки и товарищи мужики! Всё верно наш бригадир сказал, да только я добавлю. Хочу спросить высокое начальство прямо: налоги в войну взвинтили, за сданный продукт копейки платят — изо дня в день ждём, а ничего не меняется. Урожаи низкие, на трудодни получаем столько, что и самим не прокормиться, не то что детей поднять. Свои огороды нам урезали, а ведь мы их по ночам да на рассвете обрабатываем, ни минуты колхозной не крадём! И что же вышло? Живём всё хуже и хуже. Когда же просвет-то будет, уважаемые начальники?

Зал взорвался. Аплодировали так неистово, что в старых рамах задребезжали стёкла. Гул одобрения прокатился по рядам. Ведущий собрания, пытаясь перекрыть шум, обратился к присутствующим:

— Ещё высказывания есть? Вопросы?

Но из глубины зала уже летели выкрики:

— Всё уже сказано! Пусть ответят, что с нами дальше-то будет?

Чтобы сбить опасный накал, Антон Иванович поднялся с места и примирительно поднял руки:

— Дорогие мои колхозники, труженики вы наши! Всё, что вы здесь высказали, — горькая, сущая правда. Но перемены уже на пороге. Именно для того мы и укрупняем хозяйства, чтобы выправить положение. На ваши поля придут тракторы, комбайны, новая техника. Машины облегчат ваш непосильный труд. А сейчас давайте вернёмся к главному и выберем нового председателя. Согласны?

По залу волной пронеслось одобрительное: «Да-а-а!».

Ведущий, почуяв, что буря миновала, быстро взял управление в свои руки:

— Товарищи, продолжим повестку собрания. Голосовать будем за два вопроса: за объединение в одно хозяйство и за кандидатуру председателя. Кто «за»?

Зал ответил слаженным хором. Но стоило перейти к именам, как в зале началось брожение. Перешёптывались, вразнобой называли разные фамилии, но ни один голос не выкрикнул имени Гурьяна Ивановича. Тот сидел в президиуме, бледный и заметно растерянный. Он всё понял — это был не его день. Слово снова взял Подольский:

— Дорогие товарищи, вижу, мнения ваши разошлись. Мы в районе внимательно изучили работу всех четырёх колхозов, и оказалось, что самое крепкое хозяйство — это колхоз «Восход» деревни Белогарье. Руководит им известный вам Вениамин Анатольевич Белозерский. Если других предложений нет, предлагаю голосовать за эту кандидатуру.

Ведущий обвёл взглядом притихший зал:

— Есть другие предложения?

— Давай уже, чего там... Голосовать будем! — прокатилось эхом с задних рядов.

— Кто за то, чтобы объединённый колхоз возглавил товарищ Вениамин Анатольевич Белозерский?

Люди в зале были единодушны — эта кандидатура была всем хорошо знакома.

— Кто против? — в зале воцарилась тишина, и никто не поднял руку.

— Кто за то, чтобы новый колхоз назывался «Восход»? — и снова единодушный лес рук. Победители из Белогарья не скрывали улыбок, а полежаевцы лишь переглядывались.

— Есть ещё желающие выступить? — спросил ведущий, уже готовясь закрыть собрание.

Вениамин Анатольевич понимал, что в такой момент нельзя отмалчиваться. Он вышел вперёд, встал лицом к людям и негромко, но твёрдо произнёс:

— Колхозники, колхозницы, труженики вы наши... Спасибо за доверие, что поддержали меня. Обещаний давать не стану — не в моём это вкусе. Скажу одно: буду работать в полную силу, чтобы деревни наши прирастали, а люди, наконец, вздохнули свободнее и зажили по-человечески.

Зал вновь взорвался аплодисментами, и чувствовалось, что они были искренними.

Антон Иванович поднялся для заключительного слова:

— Уважаемые колхозники! Вы — люди сплочённые и ответственные, и выбор ваш сегодня это доказал. Желаю, чтобы с новым председателем вы встретили тот самый «Восход», что звучит в названии вашего колхоза. Успехов вам, а я заглядывать буду, обещаю.

Собрание объявили закрытым, и гудящая толпа хлынула на улицу. Анастасия Петровна, крепко держа за руку Арсения, вышла вместе со всеми. Андрей и Иринка шли неподалёку и тут же пристроились рядом. В воздухе облаком висело странное ощущение облегчения: над ними больше не будет произвола Гурьяна Ивановича. Конечно, радоваться было рано — его ещё могли оставить бригадиром, — но первый шаг к переменам был сделан.

Андрей хотел было что-то спросить, но мать предостерегающе тронула его за плечо:

— Не здесь, Андрюша. Дома поговорим.

Только оказавшись под родной крышей, дети привычно обступили мать. Андрей первым не выдержал:

— Мама, как думаешь, что теперь будет? Куда дело повернётся?

Анастасия Петровна ответила не сразу. Помолчала, глядя в лицо сына, и рассудила:

— А чего нам, сынок, волноваться-то? Ты дело своё знаешь, я тоже на своём месте. Работать будем, а там — как Бог даст, так и будет.

Андрей молча кивнул, соглашаясь с материнской мудростью, и принялся за свои обязанности. Иринка потянулась к книжкам. И только Арсений остался возле матери со своими бесконечными расспросами. Но в этот раз он не спрашивал, а делился сокровенным:

— А новый дяденька, которого выбирали... мне понравился, мам. Я на него смотрел, а он весь светлый такой. Будто светлячок. Разве так бывает?

— Бывает, сынок, — мягко отозвалась Анастасия. — Если человек в душе добрый да справедливый. А ты что же, прямо сияние видел?

— Светлячок он, и всё... — протянул Арсений, удивляясь, как это мама не понимает таких простых вещей.

— Хорошо, Арсюша. Сообразительный ты у меня, совсем как взрослый, — она ласково потрепала его по вихрам, давая понять, что разговору конец. — Ну, будет на сегодня. Пора укладываться.

Всю следующую неделю деревня жила в привычном ритме, но в воздухе витало ощущение чего-то незавершённого. Ожидание оправдалось: в воскресенье Гурьян Иванович с непривычной для него грустью в голосе попросил Андрея оповестить народ — в полдень общее собрание, новый председатель будет проводить. Андрей собрал подростков, и те, приняв поручение за весёлую игру, вмиг разлетелись по избам.

К назначенному часу зал был полон. Анастасия Петровна пришла со всем своим семейством: она считала, что детям полезно быть среди людей, привыкать к серьёзным разговорам и публичности.

Вениамин Анатольевич не заставил себя ждать. Высокий, худощавый, с угловатым лицом и пронизательным взглядом, он сразу приковывал внимание. Громко поздоровавшись со всеми разом, он уверенно прошёл к столу президиума.

С формальностями справились быстро — выбрали секретаря, ведущего и перешли к повестке дня: назначению бригадира, его помощников и заведующего фермой.

— Какие будут предложения по бригадире? — обратился к залу ведущий.

— Игната оставить! — почти хором отозвались мужики.

— Другие мнения есть?

— Не-е-е-т! — дружно пронеслось по рядам.

Игната Петровича утвердили единогласно, оставив за ним право самому подобрать себе помощников. Теперь он стал старшим бригадиром.

Ведущий кивнул и перешёл к следующему, более острому вопросу:

— Теперь — животноводческая ферма. Хозяйство у нас стало большим, дело ответственное. Кого назначим заведовать?

В зале повисла тяжёлая тишина. Вениамин Анатольевич, до этого хранивший молчание, поднялся и веско произнёс:

— Если у колхозников нет предложений, я хочу выдвинуть на должность заведующего фермой Гурьяна Ивановича. С его согласия, разумеется.

Он обернулся к бывшему председателю и прямо спросил:

— Что скажете, Гурьян Иванович?

Тот медленно поднялся со скамьи и, пряча глаза, глухо проговорил:

— Если люди доверят...

Голосовали на этот раз не столь дружно, как прежде, — в зале чувствовалось сомнение. Однако больше половины рук поднялось «за». Так бывший хозяин деревни превратился в заведующего средним звеном.

— Вопросы ещё имеются? — спросил новый председатель.

Зал молчал. Вопросов не было. Собрание закончилось, и люди стали спокойно расходиться, унося в душах робкую надежду на добрые перемены.

Анастасия Петровна была искренне довольна исходом собрания. Власть Гурьяна Ивановича осталась в прошлом. Теперь Андрей сможет работать самостоятельно, а с бригадиром Игнатом Петровичем — человеком разумным и радеющим за общее дело — проблем не будет, только поддержка.

Арсений на этот раз шагал рядом с Иринкой. Оба теперь были школьниками и, оживлённо жестикулируя, наперебой обсуждали свои маленькие новости. По пути всей семьёй заглянули к соседке Валерии Юрьевне, чтобы рассказать ей о событиях, которые уже неделю активно обсуждала вся деревня.

Валерия искренне обрадовалась такому визиту и известиям. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багряные тона. Пожелав соседке доброй ночи, Анастасия Петровна с детьми отправилась восвояси, чувствуя, как на душе, наконец, становится легко и ясно.

Глава 9. События одного дня

Лето 1951 года только вступало в свои права, но солнце уже припекало по-настоящему.

После укрупнения колхоза время пролетело, словно вешние воды, — не удержать. Вениамин Анатольевич, тот самый «светлячок», как прозвал его Арсений, оказался не чета прежнему руководству: хозяин крепкий, рачительный. Его рослая фигура на белом коне с туманно-серыми яблоками казалась сказочной. На полях, где раньше надсадно кричали бабы и тянули лямку лошади, теперь рокотали тракторы и шумели косилки. Жизнь стала радостнее, но и спрос стал строже.

В доме Анастасии Петровны назревало событие. Андрей вытянулся, раздался в плечах и в новом «Восходе» стал человеком заметным. Его ценили за острый ум и честность — учёт в хозяйстве был под надёжным надзором.

Но приближался час расставания. Андрею и ещё троим ребятам вручили повестки — пришла пора послужить в армии. Провожать их вышла вся деревня. У сельсовета уже стояли готовые в дорогу телеги, вокруг толпился народ.

Андрей, известный на всю округу гармонист, растянул меха тальянки. Бойкая мелодия громко взлетела над толпой — отчаянная, лихая, словно хотела заглушить подступающие слёзы. Он затянул частушку, и ребята тут же подхватили — с вызовом и бравадой:

Играй, тальяночка, звончее,
Громче, Милка, запевай!
Ухожу в родную армию,
Зазнобушка, прощай!

Девчонки не удержались, ответили звонко, но в их голосах уже дрожала грусть:

Милый в армию пошёл,
Я сказала: «Точка».
Я гулять ни с кем не буду
Эти три годочка.

Парни ответили задорно:

Скоро, скоро поезд свистнет,
Семафор откроется.
Моя милка обо мне
Будет беспокоиться.

И снова звонко голосили девчата:

Ягодиночка, из армии пиши,
Пиши, пиши.
Не жалея бумаги белой,
Пожалей моей души.

Дуэт ещё бы продолжался, но тут дробный топот копыт оборвал песню. Все обернулись: на своём статном коне в серых яблоках подъехал Вениамин Анатольевич.

Люди притихли, сгрудились плотнее. Будущие солдаты, как по команде, выстроились у телег. Арсений не отходил от брата ни на шаг. Иришка с мамой стояли чуть поодаль.

Председатель легко соскочил на землю. Его голос прозвучал чисто и твёрдо:

— Здравствуйте, товарищи! Разрешите присоединиться к вашей дружной компании.

По толпе прокатился одобрителный гул:

— Присоединяйтесь, председатель...

Вениамин Анатольевич шагнул вперёд. Он обвёл взглядом новобранцев, и в его глазах читалась не только строгость хозяина, но и теплота старшего товарища.

— Дорогие мои призывники! Вы хорошо потрудились на наших полях и фермах. Я верю, что и в армии вы проявите себя достойно. Служба лёгкой не бывает, но вы — крепкие ребята. Желаю вам счастливого пути и верности долгу перед нами и перед нашей Родиной. Служите честно. А мы будем ждать вашего возвращения в родное гнездо. Удачи!

Толпа дружно аплодировала. Призывники резво запрыгнули на телеги. В этот момент, запыхавшись, подбежала Полинка — подружка Андрея. Она не плакала напоказ — только глаза блестели ярче обычного. Девушка вложила Андрею в руку маленькую иконку, зашитую в чистый холст, и тихо сказала:

— Я тебя ждать буду, Андрей.

И тут же затерялась среди провожающих. В этом коротком «ждать» было больше силы и смысла, чем в любой клятве.

Анастасия Петровна смотрела вслед удаляющимся повозкам сухими глазами — своё она выплакала ещё в сорок втором. Арсений стоял рядом и вдруг вздрогнул. Он не отрывал взгляда от дороги и теребил маму за руку:

— Мам, смотри! Дорога за Андреем не закрывается. Она такая серебристая, длинная-длинная... И светлячок над головой... Он вернётся.

Анастасия Петровна крепко прижала сына к себе. Она давно свылась с его странными прозрениями, — он видит то, что скрыто от других: то «светлых людей», то «тени беды». Но сегодня он увидел светлый путь и надежду.

Вернувшись домой, Анастасия Петровна занялась хозяйством. Арсений же то и дело выходил на крыльцо и не сводил взгляда с дороги, по которой утром проводили Андрея. Ему казалось, что вот-вот из-за горизонта кто-то появится.

Мама закончила дела и с удивлением спросила:

— Арсюша, сынок, ты чего сегодня стоишь здесь чуть ли не весь день? Скажи, чего-то ждёшь?

— Мама, не чего, а кого, — поправил он. — Я не вижу, но идёт воздушная волна. Отчего это?

— Пойдём, сынок, в хату. Уже вечер начинается, прохладой потянуло, — позвала мама.

— Мам, посмотри, что-то маячит вдали, будто человеческая фигура.

Мама стала вглядываться и заметила, что фигура движется всё ближе и ближе — в форменной одежде, подтянутая, подвижная, с вещевым мешком за спиной. Арсений первым узнал брата и громко закричал:

— Мама, наш Ванька вернулся! Вернулся! — и бросился навстречу, увлекая за собой маму.

Анастасия Петровна, обнимая сына, не сдерживала слёз радости — они сами безудержно текли по её лицу. Арсений не отпускал руку брата. Ивану тоже трудно было удержаться от волнения. Все трое, обнявшись, стояли и не двигались с места. Посмотрев друг на друга счастливыми глазами, они так вместе и ввалились в родную хату.

— Ванечка, раздевайся пока, я быстро стол накрою, — засуетилась мама, довольная тем, что одного сына проводила, а другой вернулся. — Чудо какое-то или Божья благодать.

Анастасия Петровна выложила все угощения, которые нашла. Сыновья занялись едой, а мама лишь смотрела на них с той неподдельной радостью и восхищением, что переполняли её материнское сердце.

Убрав лишнее после ужина, стали расспрашивать Ивана о житье-бытье на чужбине. Как прошли эти три года разлуки и что будет дальше.

— Всё хорошо, мама, — улыбнулся Иван. — Сначала очень скучал по дому, по всем вам, а потом привык. Одевали, кормили — пожаловаться не на что. А всё остальное — обычная жизнь среди подростков, изолированных от родительского внимания.

— Ваня, мы все переживали, что ты будешь обижен: оторвали тебя от семьи, лишили родительского гнезда... — Анастасия Петровна пытливо заглянула сыну в глаза.

— Нет, мама, наоборот. Я же уходил с желанием и с радостью вернулся. Спасибо, что согласились тогда отпустить меня.

Материнское сердце успокоилось. Арсений сидел рядом с Иваном и слушал, не отрывая от брата внимательных глаз. Вечер ещё только начинался, и было интересно узнать, что Иван планирует дальше. Да ему и самому хотелось рассказать семье обо всех своих задумках. Он рассказывал:

— В детдомовском училище мы не только занимались в школе, но, когда подросли летом нас вывозили в леспромхозы на делянки собирать сучья. За это платили деньги.

Сделав короткую паузу, Иван продолжал:

— Когда исполнилось шестнадцать, выдали паспорта. Завтра пойду в Белогарье, там же участок леспромхоза ещё жив? Устроюсь на работу, буду жить у нашей тёти Анны. Она приветливая и живёт одна.

Анастасия Петровна слушала с замиранием сердца. «Сын совсем взрослым стал, рассуждает разумно», — думала она. Посмотрев на сыновей, мать тихо сказала:

— Ваня, сынок мой! Сколько радости ты нам принёс сегодня. Андрюшу ведь утром в армию проводили, грустили. А ты сгладил нашу печаль. С возвращением тебя в родную хату.

— Давайте уже укладываться спать — завтра много дел, — добавила она, прибирая со стола, что осталось.

Но без Арсения и тут не обошлось. Теребя Ивана за рукав, он произнёс:

— Иван, тебя возьмут. В леспромхоз. Я вижу — возьмут.

Иван удивлённо посмотрел на него и, прижав брата к себе, шутливо сказал:

— Помню, помню, как в тебя шаровая молния вселилась. Ладно, посмотрим...

Так завершился этот длинный семейный вечер. Дети разошлись по своим местам, и Анастасия Петровна последовала их примеру.

Утро следующего дня встретило лёгкой прохладой. Ивана проводили до калитки — он, как и планировал, с раннего часа отправился в леспромхоз, в деревню Белогарье — за четыре версты от родного крыльца. У него всё сложилось, как и предсказывал Арсений. Ближе к вечеру Иван вернулся домой, довольный. Тётка Анна приняла его с радостью: теперь ей не будет одиноко. Работу Ивану дали ответственную — приёмку готовой древесины и её клеймение.

Для Анастасии Петровны трудоустройство сына было важным событием: в доме появятся хоть какие-то средства. В начинающуюся летнюю страду парень тоже не был бы лишним, но страда — это лишь сезон, а там у него постоянная работа и деньги регулярно платят. Арсений в колхозе уже был хорошим помощником для мамы, и Анастасию Петровну это устраивало — с Божьей помощью всё идёт к лучшему. Впереди ждало лето — время тяжёлого труда, но и новых надежд. И никто из них ещё не знал, какие испытания готовит им судьба.

Часть вторая.

«На изломе ветров»

Глава 10.

Летняя страда

Для села это время, когда проводятся основные полевые работы: посевная, сенокос, уборка урожая. В народе говорят, что в страду «день год кормит». Не в бровь, а в глаз!

Для Анастасии Петровны 1953 год не был подарком. Андрей ещё служит — год остался. Ивана по весне тоже проводили в армию. Иришка окончила семь классов и осенью отправится в среднюю школу — в деревню Байдарово с подружками. Не ближний свет — за восемьдесят верст от родного очага.

Вся летняя страда достанется Арсению с мамой — он не по годам выглядит взрослым, многому научился и стал для неё надёжным помощником. Учится прилежно, правда, шалит иногда: то на перемене учительнице головой в горшок въедет, то носится по коридору — не догнать. За лето, бывает, немало казусов выкинет — растёт малыш. Скоро с мамой на сенокос пойдёт.

1. На сенокосе

Летом в колхозе работают и стар, и мал — всем находилось дело. На покос часто выходили семьями: и работа спорится, и время вместе провести можно. На этот раз Анастасия Петровна была не одна — с Арсением. Иринка осталась дома на хозяйстве.

Для сенокоса у неё было своё место — заливной луг в излучине небольшой лесной речушки. В деревне было принято не трогать участки, которые кто-то из года в год использует для своих хозяйств. Там, среди берёз и осин, стоял их старый, добротный шалаш, накрытый еловым лапником. На время страды он стал почти родным домом.

День выдался ясный, солнечный. Едва рассвело, как косцы тронулись в путь. Тропинка вилась через лес — едва заметная, но знакомая до каждой колдобины. От основной дороги нужно было преодолеть всего две версты, но какие — комары и мошки сопровождали путников тучей, не давая покоя. Спасались как могли: укрывались с головой лоскутами старой марли. Арсений шёл рядом с матерью, неся на плече косу. Он уже не был маленьким мальчиком — косить умел не хуже взрослых, да и отбить косу, наточить её до звона мог сам.

Вскоре лес расступился, и они вышли прямо к шалашу. Вокруг расстилалась высокая, сочная трава, подёрнутая утренней росой. Здесь и расположились: разложили нехитрую снедь, достали инструмент.

— Сынок, а ты помнишь, что косить нужно, двигаясь против ветра? — наставляла мама. — Травяная пыль не будет мешать дыханию, и уставать меньше будешь.

— Помню, конечно. Не волнуйся, мама, — отозвался Арсений.

Работа закипела. Ритмичный свист кос, шуршание травы, негромкие разговоры — всё сливалось в привычную музыку сенокоса. Арсений вошёл в раж: взмах, полукруг, трава ложится ровным валком. Он чувствовал, как напрягаются мышцы спины, как пот выступает на лбу — это была настоящая проба сил.

К полудню солнце палило нещадно. Решили сделать привал и пообедать прямо у речки, на берегу одного из тихих плёсов. Вода была тёмной и неподвижной, как зеркало. Только рас-
селись на траве, как Арсений замер с ложкой в руке. Его взгляд был прикован к противопо-

ложному берегу неподалёку. Там, у самой кромки воды, стояла медведица — огромная, бурая. Рядом с ней неуклюже крутились два пушистых медвежонка. Арсений застыл, приоткрыв рот — то ли от страха, то ли от мальчишеского восторга.

— Тихо! — мама предупредительно коснулась его плеча. Голос её был спокоен, но твёрд. — Сиди смирно, не говори громко.

Она наклонилась к сыну и едва слышно, почти шёпотом, объяснила:

— Запомни, сынок. Увидишь медведицу с семейством — нельзя к ней приближаться даже издалека. У неё дети. Если побежишь или крикнешь, она примет это за угрозу. А медведица-мать страшнее любого зверя. Мы сейчас просто посидим тихо. Подождём, пока они напоятся, наиграются и уйдут.

Арсений замер, боясь пошевелиться. Он смотрел, как медведица неторопливо вошла в воду по брюхо, а медвежата с писком бросились за ней. Сцена была мирной и величественной: она кидала своих детёнышей в воду, они звонко верещали. Минуты, казалось, тянулись бесконечно, но зрелище было сказочно завораживающим.

Наконец, наигравшись и утолив жажду, медвежья семья неспешно скрылась в зарослях на той стороне. Лишь когда лесная чаща поглотила их силуэты, Анастасия Петровна облегчённо вздохнула и отпустила плечо сына.

— Вот и всё. Видишь? Главное — не бояться, а понимать животных.

Арсений молча кивнул. В этот момент он почувствовал себя не просто мальчиком, а частью этого большого мудрёного мира, где человек — лишь один из многих живых существ, кто должен знать и беречь живую природу.

Пообедав, они вернулись к шалашу.

— Сынок, наладь косы, а я отдохну немного, — поручила Анастасия Петровна и прилегла в тени, спрятавшись от солнечного жара.

— Хорошо, мама, — отозвался Арсений.

Привычными, уверенными движениями он быстро привёл инструмент в рабочее состояние: отбил, наточил до звонкого блеска.

Мама проснулась вовремя, напоила сына прохладной речной водой, и снова над поляной разнёсся свистящий шум — вжик-вжик. Работы оставалось не так уж и много. Когда солнце уже клонилось к закату, весь луг был скошен. Косцы, раскидав траву поровнее для сушки, стали собираться в обратный путь — засветло нужно быть дома.

Перед уходом Арсений ещё раз внимательно осмотрел речные берега — не вернулась ли медведица с детёнышами? Убедившись, что всё спокойно, они решили искупаться: прохладная вода быстро сняла накопившуюся за день усталость, и оба почувствовали, как восстанавливаются силы.

Обратный путь показался короче. Наверное, очень хотелось домой. Вот и родное крыльцо. Дверь распахнулась, и на пороге возникла Иринка.

Рис. 3. Его взгляд был прикован к противоположному берегу плеса неподалеку. Там, у самой кромки воды, стояла медведица — огромная, бурая. Рядом с ней неуклюже крутились два пушистых медвежонка.

— Ну наконец-то! — воскликнула она, всплеснув руками. — Я уже все глаза проглядела! Целый день одна, даже поговорить не с кем.

— Болтала бы с печкой! — с улыбкой поддел её Арсений, сбрасывая с плеча свой инструмент.

— С печкой неинтересно, она только гудит! А вот с кашей у нас был серьёзный разговор! Я ей сказала: «Не вздумай подгореть, тебя великие труженики ждут!» И вот, полюбуйтесь! — она картинно указала на чугунок, стоявший посреди стола.

Анастасия Петровна только покачала головой, пряча улыбку. — Ох, егоза... Арсений, умывайся живее. А ты, Иринка, не мельтеши, дай человеку с дороги в себя прийти.

Ужин прошёл в тёплой обстановке. Иринка, не умолкая ни на минуту, рассказывала деревенские новости вперемешку со своими фантазиями, а Арсений и Анастасия Петровна слушали её вполуха, наслаждаясь едой и домашним уютом после долгого дня.

Когда с едой было покончено, усталость навалилась с новой силой. Дом наполнился тишиной. Арсений лежал в своей постели, чувствуя приятную ломоту в мышцах. За окном догорал закат, окрашивая небо в багрово-розовые тона. Он закрыл глаза и почти сразу провалился в сон. В его голове снова шумела трава под косой, журчала речная вода и чудилась величественная поступь бурой медведицы с лохматыми детёнышами по берегу речки — хранительницы лесного покоя. Через минуту сон поглотил его.

2. За маслицем

Для Анастасии Петровны летняя страда всегда была напряжённой. Успевать везде — и по дому, и в колхозе — стало настолько привычным, что она перестала это замечать. Но однажды, придя с поля, женщина обратила внимание, что основная кормилица семьи, корова Зорька, болезненно воспринимает дойку. Анастасия Петровна понимала: нельзя запустить болезнь, нельзя упустить время, но что именно нужно делать, представляла слабо.

К счастью, неожиданно заглянула дальняя родственница, тётя Люся — Людмила Олеговна Капустина из деревни Елшинская, что в четырёх километрах от Белогарья. По годам они были ровесницами, да и внешне походили друг на друга, что давно сделало их близкими подругами. Едва появившись на пороге, гостью зататорила:

— Здравствуй, Настя! Я тут в сельсовете была. И до нашей деревни добрались, участок урезали наполовину. Только ничего не добиться — есть постановление правительства, говорят. А ничего толком не объясняют, зачем это и кому нужно?

— Люся, ты хоть присядь к столу, потом всё и поведаешь, — останавливая её и показывая на лавку, отозвалась Анастасия Петровна.

— Да я уже всё и выложила, — махнула рукой Людмила Олеговна. — Лучше ты делись, как сама-то? Давно ведь не виделись.

— Кручусь вот, как могу, — вздохнула Анастасия Петровна. — Только несчастье у меня: Зорька с трудом доится стала, к вымени не подпускает.

— А ну пойдём смотреть! У меня этих коров целая ферма, — увлекая Настю за собой, скомандовала Люся, и женщины направились в коровник.

Осмотрев Зорьку, гостью сразу вынесла вердикт:

— Настя, мастит у неё после отёла. — И, не давая хозяйке испугаться, продолжала: — Не затягивай, слушай внимательно: молоко аккуратно полностью сцеживай каждые три-четыре часа, но употреблять его нельзя. Вон капуста уже поспевает — мни лист руками до выделения сока и прикладывай к вымени на двадцать-тридцать минут четыре раза в день. Ещё ромашка и листья лопуха хорошо помогают. Дней через десять будет твоя кормилица как новенькая.

— Люся, ты прямо ветеринар — всё по полочкам разложила. Спасибо тебе, — улыбнулась Анастасия Петровна и предложила: — Давай с тобой перекусим, восемь километров — дорога не ближняя. А то, может, переночуешь?

— Что ты, Настя! Пообедаем, да побегу. Знаешь ведь — дети там одни, — Людмила Олеговна ласково посмотрела на Анастасию Петровну и добавила: — У меня маслица топлёного скопилось немного, завтра с утречка Арсения отправляй с бидончиком. Литра три тебе и наберу. На первое время хватит, а там и Зорька восстановится.

Анастасия Петровна с благодарностью глянула на подругу:

— Люся, ты спасительница наша. И научила, как скотину вылечить, и подсобила, чтобы легче это трудное время пережить. Низкий тебе поклон. Арсюшу завтра же отправлю, а теперь — пора и за стол.

Проводив гостью после обеда, Анастасия Петровна тепло распрощалась с ней у калитки. Людмила Олеговна торопилась в обратный путь, чтобы добраться дотемна — солнце уже клонилось к горизонту.

Утро следующего дня выдалось солнечным и погожим. Арсений с матерью проснулись почти одновременно и сразу взялись за хозяйство. Первым делом помогли кормилице Зорьке — сделали всё, как учила тётя Люся, — а завершив остальные заботы, стали собирать мальчика в Елшинскую за маслицем. Мама напутствовала:

— Арсюша, вот тебе бидон. Постарайся вернуться до темноты, чтобы я не переживала. С Богом!

— Хорошо, мама, — ответил Арсений и зашагал вглубь широкого поля, по которому вилась накатанная тропа, ведущая к Белогарью.

Анастасия Петровна была за сына спокойна: он с раннего детства рос самостоятельным и ответственным. Трижды перекрестив вслед удаляющегося мальчугана, она вернулась в избу и занялась домашними делами.

Сразу за пашней начинался густой смешанный лес, затем — мостик через речку Полежаевку из круглых ошкуренных брёвен, а за ним — затяжной пологий подъём, после которого открылся вид на соседнюю деревню. Дорога на Елшинскую пересекала Белогарье надвое, и Арсений миновал жилые дворы быстро. Он снова оказался в поле, за которым раскинулся ещё один обширный лесной массив протяжённостью в четыре километра.

К полудню Арсений вышел к опушке, и перед ним показались крыши Елшинской — небольшой деревушки из десятка изб с маленькими, приземистыми оконцами, сберегающими тепло в зимние стужи. Преодолев последний подъём, он издалека приметил тётю Люсю: она нарочно вышла к окраине, чтобы гостю не пришлось плутать в поисках её дома. Во дворе играли дети — подросток примерно одного возраста с Арсением и маленькая девочка. Людмила Олеговна помахала рукой, показывая, что ждёт его.

Когда Арсений подошёл ближе, тётя Люся познакомила его со своими детьми:

— Арсюша, это мои — Веня, старшенький, твой ровесник, и Машенька, ей девять недавно исполнилось. Муж-то мой, Боря, тоже с фронта не вернулся, вот и тяну материнскую лямку, как и твоя мама, — женщина тяжело вздохнула и тут же засуетилась: — Ну, а теперь за стол, обедать самое время, тебя только и ждали!

Все уселись за просторную обеденную поверхность, аккуратно сколоченную местным умельцем из толстых досок и накрытую клеёнкой с яркими ромашками и васильками. Две широкие скамьи стояли по обе стороны от неё. Людмила Олеговна достала из печи ухватом с деревянной ручкой трёхлитровый чугунок, разлила по алюминиевым тарелкам дымящийся овощной суп, крупно нарезала пышущий жаром ржаной хлеб, и все дружно принялись за еду. Глядя на Арсения, хозяйка с нескрываемой грустью заметила:

— Арсюша, хорошо, что ты в школу ходишь — она у вас в Полежаево рядом. А мои вот не учатся, не получается у меня им образование давать, — по голосу чувствовалось, что для неё это давно наболевшая тема. — Денег в колхозе не платят, а от того, что сдаём государству с подворья, много не выручишь.

Она выдержала короткую паузу и тихо добавила:

— У нас тут вся деревня так перебивается... Ну да ладно! Вы тут, хлопцы, поиграйте, а я пока на ферму сбегая — коровки мои, поди, заждались.

Уже у самого порога она обернулась к мальчику:

— А ты, Сеня, гляди на часы, на стене висят, не забывай: к вечеру надо быть дома, мама так наказывала. — И с этими словами быстро вышла на улицу.

Оставшись одни, дети заигрались так, что напрочь забыли обо всём. Солнце уже коснулось горизонта, когда Людмила Олеговна вернулась в избу. Увидев на крыльце Арсения, она нешуточно всполошилась:

— Сеня, да ведь сумерки уже! Совсем заигрался с моими?

— Ой, тётя Люся... Правда ваша, заигрался — ахнул мальчик.

Он будто застыл на полуслове, затем подхватил висевшую на перилах холщовую сумку с тяжёлым бидоном, доверху наполненным топлёным гостинцем, и припустил обратно.

Людмила Олеговна порывалась было остановить его, заставить переночевать, но, вспомнив строгий наказ Насти, только рукой махнула. Она перекрестила удаляющуюся фигурку и тихо прошептала:

— Храни тебя Бог, Сеня!

Тут же повернувшись к собственным детям, она с досадой пожурила их:

— Веня, Маша, а вы куда смотрели? Парень ведь в самую темень попадёт, натерпится страху! — Женщина опустила на скамью у крыльца и смахнула уголком головного платка набежавшую слезу.

Между тем Арсений всё ускорял шаг, но вскоре понял: ночной темноты не миновать. Соседнее Белогарье он проскочил ещё в сумерках, а вот дальше, когда дремучий лес обступил его со всех сторон, тропинки стало совсем не видеть — пришлось идти едва ли не на ощупь.

Лес ожил, наполнился пугающими звуками. Где-то в непроглядной чаще то и дело жутко гугукали и ухали совы, со скрипом раскачивались от ветра сухие деревья. Арсений изо всех сил старался держаться бодро. Он вспомнил, как однажды лицом к лицу столкнулся с шаровой молнией — тогда ведь не испугался, чего же трусить сейчас? Но вкрадчивая, навязчивая припевка то и дело всплывала в памяти, будоража воображение:

«Шёл я лесом-перелесом, не боялся никого.

Леший выбросил телёнка, испугался я его...»

Мальчику мерещилось, что этот злополучный телёнок вот-вот действительно свалится прямо ему под ноги, и он почти побежал. Впереди показался крутой песчаный угор, а за ним — уже и поле, а там до дома рукой подать. Арсений, будто на крыльях, взлетел на этот склон, промелькнул сквозь короткий перелесок и вырвался на простор.

Едва впереди замерцали тусклые огоньки знакомых изб, липкий страх мгновенно отступил. Теперь мальчишку изводила другая мысль: как там мама? Подходя к усадьбе, он разглядел у крыльца знакомый силуэт и прибавил ходу. Анастасия Петровна уже шла ему навстречу, и слова сами рвались наружу:

— Сынок, заждалась я тебя... Слава Богу, живой-здоровый! Пойдём скорее в хату, кормить тебя буду.

Арсений, остро чувствуя свою вину, крепко обнял мать и тихо произнёс:

— Прости, мамочка. Заигрались мы с Люсиными ребятами, совсем про время забыли.

— Ладно, Арсюша, главное — ты дома, остальное не важно.

Уже через минуту Арсений жадно уплетал со сковороды ещё не остывшую жареную картошку со свиными шкварками. А Анастасия Петровна сидела напротив и смотрела на него с нескрываемой нежностью, любовью и облегчением.

Так и закончилась эта история с походом за маслицем — и тревожная, и счастливая, и поучительная.

3. Случай на конюшне

В колхозе основной тягловой силой были лошади. Арсений любил этих животных и лет с десяти каждое утро вставал пораньше, чтобы пригнать их с ночного пастбища на конный двор. До начала рабочего дня конюх подсыпал в кормушки овса, а потом коней разбирали по разнарядке.

В этот день всё шло как обычно — Арсений с утра пригнал табун, и каждая лошадь нашла своё место у кормушки. Проходя мимо одной из кобыл, он повернулся к ней лицом и протянул руку к хвосту. Мальчик не успел опомниться, как от резкого удара копытом отлетел в канаву. Удар пришёлся выше лба, у самой кромки волос.

Арсений не сразу сообразил, что произошло. Ощупав голову, он понял, что ему крепко повезло: к счастью, копыто задело его вскользь выше лба и не причинило серьёзного вреда. Лишь глубокая ссадина напоминала — родился в рубашке.

Он поднялся, пошатываясь, вытер лицо подолом рубахи и огляделся. Вокруг не было ни души. Это его порадовало — не хотелось доставлять хлопот маме. Ссадину скрывали густые волосы, и это его окончательно успокоило. Случай на конюшне стал его личной тайной и глав-

ным уроком: в этом мире, как и в лесу, нужно всегда быть начеку — расслабляться нельзя ни на секунду.

После этого случая Арсений стал ещё осторожнее, но страха перед животными не испытывал. Особенно он привязался к молодой кобылке — ещё совсем жеребёнку, белой, как свежий снег. Он называл её Берёзка. С ней он вёл беседы как с подружкой и с её помощью собирал всё стадо, чтобы привести его к конюшне.

— Берёзка, — говорил он, расчёсывая ей гриву, — ты не просто лошадь, ты — ветер, который только-только проснулся. Мы с тобой ещё за Андреем, братом моим, поедem, когда из армии вернётся, вот увидишь.

Берёзка в ответ лишь мягко тыкалась носом в ладонь, будто понимая каждое слово своего маленького хозяина.

4. Злополучное гумно

Во время уборки урожая гумно — самое необходимое место для молотбы сжатого хлеба.

В разгар страды Арсений увязался за мамой. Около тока уже высились смётанные скирды соломы, а деревенская ребятня весело играла в прятки, проделывая в них замысловатые ходы. Арсений присоединился к игре.

Никто из малышей не заметил, как появился бригадир с длинной деревянной рогатиной — такими обычно орудовали вместо вил. Завидев его, все бросились врассыпную. Арсений юркнул в одну из норок в соломе и затаился.

Разъярённый бригадир, забыв, что в скирдах прячутся живые дети, принялся яростно протыкать её рогатиной до самой земли. Вдруг Арсений почувствовал резкий толчок в шею, который вдавил его лицом в колкую солому, — и тут же отпустил.

Картина прояснилась, когда бригадир ушёл, бросив своё орудие тут же. Арсений выбрался из укрытия и увидел рогатину. Он похолодел: если бы она не обогнула шею, а вонзилась в неё, ему конец. В этот миг он понял, что жизнь висела на волоске.

Осознав весь ужас происшедшего, Арсений почувствовал крупную дрожь во всём теле. Но со всех концов гумна уже возвращалась в кучку разбежавшаяся ребятня. Он собрался с силами и взял себя в руки. Арсений не хотел выглядеть напуганным и держался так, будто ничего не произошло.

Ребята сгрудились вместе, но желание продолжать игру у всех пропало. Дети молча разошлись по домам. Арсений понимал: не сказавшись маме, он уйти не может, но и встречаться с ней в таком состоянии тоже не хотелось — она сразу заметит неладное, а врать он не умел. Он решил побегать здесь ещё немного, чтобы прийти в себя.

5. В школе. Встреча с «декабристом»

Сентябрь пятьдесят третьего пах не только спелой тыквой и прелой листвой, но и предчувствием перемен. Школьная жизнь входила в привычную колею с её скрипучим мелом, чернильницами-непроливайками и строгими дежурными в коридорах.

Однажды, увлекшись шумной игрой в догонялки на перемене, Арсений на полном ходу влетел в лестничный пролет. В этот самый миг сверху неспешно спускалась их молодая классная руководительница, Антонина Васильевна. Она бережно прижимала к груди массивный керамический горшок, из которого топорщился во все стороны пышный зеленый куст с алыми прожилками — её любимый декабрист.

Удар! Звон в ушах! Вихрастая голова Арсения угодила точно в середину куста. В лицо брызнула холодная земля из горшка, колкие листья поцарапали щеку. Учительница покачну-

лась, её лицо оказалось совсем близко. Горшок опасно накренился в её руках, но каким-то чудом не выскользнул и не разбился о плотный деревянный пол.

Арсений замер у её ног. Он ждал неизбежного: громкого крика, вызова к директору или хотя бы гневной записи в дневнике. Так ему представлялось. Но Антонина Васильевна лишь глубоко вздохнула. Она свободной рукой поправила выбившуюся из строгого пучка прядь волос и посмотрела на него сверху вниз. Её взгляд не был сердитым — скорее усталым и немного смешливым.

— Куда же ты так летишь, Сеня? — мягко пожурела она. — Так ведь и голову сломать недолго, и моего декабриста чуть не погубил.

Она поставила горшок на подоконник, отряхнула с передника землю и просто пошла дальше по своим делам. Она не стала жаловаться классному руководителю или писать замечание.

Этот случай остался их маленькой тайной. Но для Арсения это стало чем-то большим — живым уроком милосердия, который лёг в его душу рядом с теми словами о доброте, что с детства твердила ему мама.

Глава 11.

Возвращение Андрея

Жизнь не позволяла долго предаваться унынию — она требовала труда. С уходом Ивана из дома исчезли и «леспромхозовские» деньги, но семья не пала духом. Анастасия Петровна уже освоилась в новых условиях и принимала любые перемены со спокойным достоинством. Что греха таить, воспоминания о прежней жизни нет-нет да и тревожили душу. Там осталась родина, там начиналась взрослая пора — в достатке и покое, там родилась их крепкая семья.

Дети один за другим окрепшими птенцами вылетали из гнезда. Вот и Арсений превращался в настоящего мужчину. Весной 1954-го, когда река вздувалась от паводка и начинался сплав леса, Анастасия взяла сына с собой. Он радовал её тем, что любая работа давалась ему легко — будь то топор, пила, коса или вожжи. Как говорят в деревне, с малых лет — мастер на все руки. На сплаве, спуская тяжёлые брёвна в ледяную воду, они с матерью зарабатывали деньги, которых не видели в колхозе, и это было для семьи большим подспорьем.

Летом Арсений, уже по привычке, был «всадником утренних туманов», пригоняя табун на конюшню. В один из таких дней пришла долгожданная весточка: старший, Андрей, отслужил! Почтальон передал короткую записку — парень задержится у тётки в районе, но скоро будет дома. Это известие пронеслось по избе как свежий ветер. Семья собиралась вместе, и Арсений чувствовал: теперь он не просто помощник, он — опора.

Когда новость об Андрее долетела до дома, Арсений понял: ждать он не сможет. Вечер уже опускался на деревню, когда он выпросил у бригадира разрешение взять Берёзку. Мать лишь молча перекрестила сына в дорогу — она знала его характер: если что решил, не отговоришь.

Тридцать шесть километров бездорожья в глухую ночь. Для кого-то — безумие. Для Арсения — путь навстречу родному человеку.

Ночь дышала в лицо запахами прелой травы и речного тумана. Берёзка, привыкшая к родным лугам, нервничала. Когда впереди возник тёмный остов городского моста, кобылица встала как вкопанная. Для неё это была чужая, пугающая громада, пахнущая смолистым деревом и сыростью. Она прятала уши, топталась на месте и упрямо пятилась назад.

Арсений спрыгнул на землю.

— Ну что ты, глупая... — прошептал он, зарываясь лицом в её густую, тёплую гриву. — Это же я. Я с тобой, здесь, рядом. Мы же брата встречаем, Андрея, понимаешь?

Он гладил её по дрожащей шее, убеждал тихим, ровным голосом, пока не увидел, что страх отступает, и Берёзка сдалась. Почувствовав уверенную руку хозяина на узде, она вскинула голову, коротко фыркнула и, осторожно пробуя копытом настил, пошла за ним.

Районный центр встретил их рассветным утром. Улица Красная, вопреки названию, выглядела сиротливо: шаткие дощатые тротуары да колеи непросохшей грязи. Но для Арсения в тот миг не было места прекраснее. Он забарабанил в калитку тётки Дуси.

Дом ожил, на крыльцо вышла Евдокия Игнатьевна. Увидев племянника, она всплеснула руками:

— Здравствуй, Арсюша! Как же ты — ночью, один?

— Не один я, тётя Дуся, вон у меня какая попутчица, — пробивающимся баском отозвался Арсений, обнимая тётку и показывая на Берёзку.

Следом, словно пуля, вылетел Андрей — в защитной гимнастёрке, возмужавший, с выправкой, которую даёт только армия, и в до блеска начищенных хромовых сапогах. Он будто чувствовал, что младший будет его встречать, помня то единение душ, которое ощущалось между ними ещё до службы.

Объятия были такими крепкими, что казалось, сама окраина наполнилась их бешеной энергией. Сонная тишина утра разлетелась вдребезги.

— Сеня! Братишка! На лошади прискакал? Ну ты даёшь! — В обнимку они вернулись в дом.

Тётя Дуся уже суежилась у печи. Запах свежего хлеба и горячего чая с душистыми травами заполнил комнату, смешиваясь с радостным гомоном братьев, которые не могли наговориться. Не забыла хозяйка и про гостью — Берёзка заслужила свой овёс честно.

Уже через полчаса, поблагодарив тётку за тёплый приём, братья отправились в обратный путь. Солнце поднималось всё выше, золотя верхушки сосен. Берёзка шла по настилу уверенно и гордо, не ведя ухом. Предстояли те же тридцать шесть километров, но дорога домой всегда кажется короче. На спине лошадки мерно покачивалась нехитрая солдатская поклажа, а рядом шагали два брата.

Когда мост через реку остался позади, перед путниками открылась извилистая грунтовая дорога с непросохшими колеями и глубокими канавами. По бокам стеной стоял массивный смешанный лес.

— Арсюшка, родной мой, хорошо, что ты с Берёзкой меня встречаешь, — нарушил тишину Андрей. — Она нашу поклажу везёт, а мы вышагиваем налегке и можем свободно разговаривать.

Андрей стал рассказывать про свою службу в армии: сначала учебка в части под Вологдой, затем Венгрия и Австрия. Три года пробежали не то чтобы незаметно — просто всё было в новинку, и время оказалось плотно насыщено делами.

Арсению было интересно слушать, особенно про службу за границей — всё звучало непривычно и не вязалось с его русским деревенским бытом. Но старшему не терпелось узнать про дом.

— Теперь, браток, твоя очередь, — заговорил Андрей. — Как мама? Как дома? Где остальные?

Дорога среди вековых лесов, где на километры не встретишь жилья, казалась бесконечной и располагала к долгим беседам. Арсений во всех подробностях поведал, как семья выжила эти три года, пока Андрей служил: что с мамой всё хорошо, в прошлом году Ивана проводили в армию, а Иринка учится в средней школе в Байдарово, за восемьдесят километров. Он хотел сказать о Полинке, но, раз брат не спрашивает, вовремя промолчал — понимал, что дело слишком личное.

Вот уже вышли на последний пригорок, и за поворотом открылся вид на деревню. Солнце клонилось к закату. Андрей остановился, чтобы издали посмотреть на родные места, вспомнить былые времена: помощь маме, выживание на подножном корму, подружку Полинку, которая провожала его в армию... Арсений с Берёзкой тоже стояли рядом молча, давая ему время для размышлений.

Налюбовавшись видом знакомых домов, двинулись дальше. Вот уже пересекли деревянный мостик через речку, а тут и дом рядом — он стоял с краю деревни. Родной силуэт — мамина фигура в лёгком платке — маячил в напряжённом ожидании. Она вглядывалась в ленту дороги, а когда разглядела своих мужчин, кинулась им навстречу.

Жаркие объятия и возгласы радости наполнили всё вокруг. Только Берёзка, чуть опустив голову, смиренно наблюдала за этой картиной, словно понимая важность происходящего момента.

Двор у избы ожил, наполнившись шумом — вся семья была в сборе. Пока ещё не стемнело, Арсений быстро отвёл Берёзку на конюшню, сдал её сторожу и, услышав, что тот претензий не имеет, поспешил домой к ужину.

А в доме уже всё было готово. Анастасия Петровна собрала на стол всё самое лучшее, что нашлось в закромах, чтобы устроить настоящий праздник в честь возвращения сына.

Все уселись за столом, и разговоры не затихали ни на минуту — каждому хотелось спросить о своём.

Для мужчин уже было приготовлено место для отдыха — застелен покрывалом душистый от свежего сена сеновал. После ужина Арсений и Андрей сразу отправились спать: оба сильно устали, а младший и вовсе не смыкал глаз — ночь прошла в пути.

Анастасия Петровна убирала со стола, окрылённая долгожданным счастьем. Ваня ушёл, Андрей вернулся, Арсюша рядом — просто не верилось своему везению. Наверное, Бог видит — заслужила. Проверила запоры на коровнике — по ночам шастали лесные гости, волки. Бывало, подкараулят то кур, то овец и уволокнут.

Заглянула на сеновал — посмотреть, как спят её выросшие дети: удобно ли лежат, хорошо ли укрыты. Затем и сама улеглась на свою неизменную кровать с панцирной сеткой, вспомнив про Ивана. Ведь ещё пару годков — и ему срок домой возвращаться.

А после во всём доме наступило сонное царство, которое некому было нарушить, кроме утренних петухов.

Едва забрезжил рассвет, как звонкие петушиные крики вырвали братьев из сладкой утренней дрёмы. Привыкшие вставать ни свет ни заря, они уже через полчаса сидели за столом, с аппетитом уплетая приготовленный мамой завтрак. Утро и день прошли в хлопотах по хозяйству, а ближе к вечеру братья начали собираться на деревенские посиделки.

Андрей отыскал свою тальянку. Бережно взяв инструмент в руки, он с улыбкой вспоминал, как когда-то виртуозно владел клавишами. Навыки, если они были заложены с юности, возвращаются быстро. Сидящий рядом Арсений подтвердил это, с восхищением произнеся:

— Андрей, я уже и забыл, как здорово ты играешь.

Когда солнце начало клониться к закату, братья, прихватив гармошку, отправились на гулянье. Их дом стоял на самом краю деревни, и идти пришлось почти через всё поселение.

— Ну что, браток, развеселим деревню? — с задором воскликнул Андрей.

Выйдя на улицу, он развернул меха тальянки и лихо, по-деревенски затянул:

Шёл деревней — девки спали;
Заиграл — девчонки встали:
Встали, разбудились,
Окна растворились.

За гармошкой потянулась вся разновозрастная округа. Вскоре на небольшой площадке стало так тесно, что ступить было некуда. Прибежала и Полина. Она стояла в стороне в растерянной надежде: подойдёт ли к ней Андрей? Но тот был увлечён музыкой и продолжал петь:

Ты играй, играй, тальяночка,
Весёлая моя,
Чтоб не скучно было милочке
Сидеть возле меня.

Девчонки быстро подхватили мотив:

Сколько лет я зарекалась
Под тальянку песни петь,
Заиграет мой милёнок —
Ни за что не утерпеть!

И веселье продолжалось:

Шибко весело играет
Чей-то ягодиночка.
Заиграет — сердце тает,
Как на речке льдиночка.

На площадке поднялся весёлый гомон. Со всех сторон доносились приветствия, смех, обрывки разговоров. Андрей, лавируя между знакомыми лицами, искал глазами Полину. Он заметил её у самого края толпы. Она стояла, теребя кончик косынки, и не отрывала от него взгляда.

Он подошёл. Сдержанно, без прежнего юношеского пыла, но голос его прозвучал мягко, тепло и почти с любовью:

— Привет, Полинка.

Она вздрогнула, словно очнувшись ото сна. Девушка тут же шагнула ближе, и на Андрея пахло знакомым запахом полевых трав и свежего сена. Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах смешались робость и отчаянная надежда.

— Андрей... Здравствуй! Слава Богу, ты вернулся. Я ждала тебя. Как и обещала.

В этот момент молодёжь загудела громче, требуя продолжения веселья:

— Андрей, играй давай! Не томи!

Все пустились в пляс. Арсений, заметив, что Полина осталась одна, галантно пригласил её, и они смешались с общей массой кружащихся пар.

Сумерки сгущались быстро — в деревне не было уличного освещения. Народ начал потихоньку расходиться: кто-то парами, кто-то шумной гурьбой. Андрей передал гармошку брату и направился к Полинке, чтобы проводить её до дома.

Арсений иногда тоже пробовал играть на тальянке, но без серьёзного увлечения. А сейчас, когда она оказалась в его руках, он шёл по улице, наигрывая простенькие мелодии. Юноша с удивлением отмечал, что пальцы уже двигаются увереннее, просто он редко пользовался этим инструментом и не стремился к публичности.

Андрей с Полиной шли рядом в сгущающейся темноте. Воздух был прохладным и пах дымом из печных труб. Они говорили о разном, засыпая друг друга вопросами — у каждого накопилось столько всего за эти годы. Но между их словами не было той взаимной лёгкости, которая была раньше — висела тяжёлая, невысказанная тема.

Наконец Полина остановилась у калитки своего дома. Она подняла на него глаза, в которых отражался свет тепла и надежды, и робко спросила:

— Андрюша... — её голос дрогнул. — Ты первый год ещё писал мне. А потом совсем перестал. Почему? Забывать стал?

Андрей замер. Он смотрел на её лицо, освещённое лунным светом, и видел не просто знакомую девчонку, а ту самую Полинку из прошлого, которой прежде говорил красивые слова и повторял их в письмах. Ответить было мучительно трудно, но и молчать было нельзя.

Он задумался на мгновение, подбирая выражения, и как мог помягче произнёс:

— Полинка... Прошло три года. Как-то отвык я от всего этого... Там не до гуляний было. На чужбине свободы мало: если и отпускали, то только группой — втроём или больше. Всё прошло, — он посмотрел ей прямо в глаза, решив не щадить ни её, ни себя.

— Не буду тебя обманывать, так уж получилось.

Её плечи опустились. Она судорожно вздохнула, пытаясь удержать подступающие слёзы.

— Я поняла... — тихо протянула она.

Но Андрей не мог просто так её отпустить. Жалость и остатки старой привязанности заставили его продолжить:

— Погуляем здесь? Пока я в отпуске... Ты не против?

Для Полинки эти слова прозвучали как пощёчина. Она почувствовала себя униженной.

— Нет уж, Андрей. Ты как одолжение делаешь, а мне это не нужно.

Посмотрев ему в лицо, она добавила спокойным и уверенным голосом:

— Я справлюсь. Мне пора.

И быстрым шагом направилась к калитке своего дома.

Андрей остался стоять один посреди тёмной улицы. В груди была странная пустота. Он был немного в растерянности, но вместе с тем чувствовал странное облегчение от того, что тяжёлый разговор окончен. «Полина права», — подумал он и отправился домой.

Теперь он чётко осознал: здесь его уже ничто не держит и можно собираться в дорогу. Он уже знает, куда нужно ехать — списался с леспромхозом на Урале, и там ждут его как рабочую силу.

С этими мыслями он вернулся в избу, где его ждал скромный семейный ужин и тепло домашнего очага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.